
VIII. Возвращение в Петербург

Выезжая из Сибири, Сперанский действительно старался расположить свой маршрут так, чтобы приехать в Петербург не раньше императора, который в то время находился на конгрессе в Лайбахе. Однако вышло иначе. Он приехал в конце марта, а государь вернулся только в конце мая. На следующий же день по прибытии в Петербург Сперанский явился к Аракчееву для того, чтобы выяснить себе свое дальнейшее поведение «представиться ли императрицам, писать ли Голицыну о своем приезде и принимать ли тех, кто к нему будет приезжать». Аракчеев дал на эти вопросы ответы честные, соображаясь с ними, Сперанский и действовал. Два месяца, проведенные в ожидании Александра, он вел жизнь очень замкнутую, никого сам не посещал и поддерживал отношения только с Аракчеевым, и даже ездил к нему в Новгородскую губернию, а потом сопровождал его при осмотре военных поселений. В столице носились всякие слухи о будущей судьбе Сперанского и строились предположения; одни радовались, другие, напротив, с опаскою думали о его возвращении к власти.

Однако время уже сделало свое. За девять лет отсутствия переменилось очень многое. Со сцены сошли многие деятели, игравшие роль в первые годы Александра, а затем и в судьбе Сперанского. Изменился и Александр.

Почти все то, что увлекало его в молодости, тогда уже утратило интерес. О реформах он не думал, дела внутреннего управления его перестали увлекать, если не считать нового и его любимого детища — военных поселений. Всем распоряжался Аракчеев, и в его воле, казавшейся железной, и действительно железной, когда дело касалось угождения императору, Александр черпал нравственную поддержку.

Едва ли можно сомневаться, что такой упадок энергии, спокойное состояние духа и пассивность к событиям объясняются расстройством его здоровья и упадком сил. Болезнь подтачивала его могущественный организм, и, несмотря на молодые годы, — он стоял в начале пятого десятилетия лет — лишала бодрости. Личные его интересы группировались вокруг вопросов религиозных; в беседах на эти темы, в чтении соответствующих книг пытался он найти душевное равновесие и утешение. Может быть, — таковы наиболее распространенные догадки, — его преследовали угрызения совести при воспоминании о смерти отца, может быть, и это вероятнее, он пытался уйти по такому пути от томления духа, вызванного чисто физиологическими причинами, но и в этих своих блужданиях он не проявил последовательности, увлекался то одним, то другим, бросал и предметы увлечения, и людей, в зависимости от каприза.

Одним словом, Сперанский застал уже не прежнего своего благодетеля; впрочем, одна черта оставалась столь же определенно выраженной — прежнее двоедушие и все что с ним связано, лживость, скрытность, искусство разыгрывать роли. Многое выветрилось под влиянием разных причин, но эти основные фундаменты характера остались неизблемыми и только яснее обнаружались.

Первое свидание Сперанского с Александром состоялось 6 июня 1821 года. Император принял его в Царском Селе, и аудиенция была непродолжительная. Он тотчас же вывел Сперанского на балкон в сад, где их разговор мог слышать всякий, спросил о здоровье, о путешествии,

говорил все время сам и быстро, не допуская Сперанского к каким-либо репликам; в конце беседы спросил его, с кем он видается, и посоветовал сблизиться с Аракчеевым. Одним словом, встреча была самая официальная, на первый взгляд как будто и милостивая, но свидетельствующая о полном равнодушии императора к бывшему своему сотруднику.

Однако не приближая Сперанского к себе и вовсе не интересуясь ни им лично, ни его работами, Александр все-таки показал посторонним, что Сперанского он простил окончательно. Еще до приезда его и потом в некоторых разговорах с приближенными он давал понять, что никакой государственной вины за ним не знает, намекал только на личную неблагодарность Сперанского. Правда, восторженных отзывов о нем из уст императора не слышали, высказывались даже и не совсем одобрительные, но факт прощения не отрицался.

Вскоре после первого свидания последовали и деловые встречи с императором, доклады по поводу сибирских дел; Сперанскому было отведено помещение в Царском Селе; 17 июля 1821 года он был назначен членом Государственного Совета и затем получил особые поручения; неоднократно, особенно в этом году, приглашался он к царскому столу, но потом все реже и реже. Из дневника Сперанского, очень впрочем краткого, видно, что 31 августа 1821 года император заговорил с ним даже о ссылке, но то, что было сказано, — весьма туманно и, кажется, осталось не вполне понятным для самого Сперанского*.

* В дневнике Сперанского под этим числом записано следующее: «Работа у Государя Императора. Пространный разговор о прошедшем. Дюнос якобы состоял в сношении с Лористоном [французским послом] и Блумом [датским послом]... Вообще, кажется, начало и происшествие сего дела забыты. Confusion, intrigues, commerages. En s'occupant des choses, on neglige les homes [Замешательство, интриги, сплетни. Занимаясь делами, забывают о людях. — франц.]. Но все в руке Провидения, всегда справедливого, всегда милосердного». Очень характерно указание на то, что император позабыл многое; не мог же он, в самом деле, помнить все подробности своих бесчисленных интриг.

Иногда император по-прежнему отзывался о нем как о «своем» человеке, подчеркивал в разговоре с ним, что его ни в чем не обвиняет. Делалось это настолько естественно, что даже Сперанского сбивало с толку, хотя в эти годы он уже не страдал излишним оптимизмом. А между тем, когда Александр, вскоре после приезда Сперанского, в Царском Селе встретил во время прогулки некоторых своих приближенных в его компании, то он остался очень недоволен тем, что со Сперанским «сближаются», и дал это понять. Одно время Сперанскому даже казалось, что он опять входит в силу, и его влияние начинает затмевать Аракчеева. А было совсем другое. Об отношении императора можно судить по его записке Аракчееву (по неизвестному поводу), где сказано дословно следующее (февраль 1822 года): «...сделай одолжение, лучше выслушай Сперанского. Он будет говорить, стало быть, ты будешь только слушать, что для тебя не вредно; долгих переговоров с твоей стороны я бы не возложил на тебя в теперешнем твоём состоянии (Аракчеев видно был нездоров. — А.Н.), но считаю нужным заметить на слова, сказанные уже Сперанским тебе, что тут личной доверенности никакой быть не может допущено...» И вообще все доклады Сперанского утверждались только по предварительному просмотру и одобрению Аракчеева.

Итак, ни о каком влиянии Сперанского на императора и на государственную жизнь за последние четыре года жизни Александра и речи быть не могло. Охлаждение было полное и совершенно ясное; следует лишь отметить, что своим личным поведением Александр первое время старался ослабить в публике такое свое отношение к опальному сановнику. Резкостей он вообще не любил и шел своей обычной ломанной дорогой — с одной стороны, подчеркивал реабилитацию, а с другой — сводил ее на нет. К концу царствования Сперанский совершенно исчез с придворного горизонта.

В апреле (4) 1823 года Александр передал Аракчееву письмо Сперанского из Перми; оно найдено в бумагах

Аракчеева с этой пометкой, и из этого можно, кажется, сделать вывод, что император сам перестал рассматривать ссылку Сперанского как событие, долженствующее быть окутанным тайною. И для него оно сделалось чем-то давно прошедшим, окончательно ликвидированным, не вызывавшим в нем никаких настроений. Иначе он не отдал бы Аракчееву этого письма, из которого можно делать всякие заключения.

Служебных наград Сперанскому не выходило; пожалование земли (3458 десятин в Пензенской губернии) нельзя считать сколько-нибудь крупным отличием, о пожаловании дочери во фрейлины к императрице пришлось особо просить; к тому же обе награды состоялись еще в 1821 году. И действительно, последние годы Александра были самыми томительными в жизни Сперанского, может быть, нравственно более тяжелыми, чем ссылка. В Нижнем и Перми он страдал без вины, и в этом мог черпать оправдание своих горестей, было на что жаловаться, было на что надеяться. Эта надежда поддерживала Сперанского и в Сибири. Но в Петербурге уже все было исчерпано, действительность рассеяла все иллюзии и доказала их тщету. Надежд не оставалось никаких и положение сановника не у дел, звезды уже закатившейся, должно было особенно угнетать Сперанского, особенно же потому, что с каждым годом такое положение делалось все более и более ясным для окружающих.

Очень бледна государственная деятельность Сперанского за это время; она представляет некоторый интерес только для его биографии и характеристики. Первое время работу обеспечила ему сибирская ревизия. Проекты, привезенные Сперанским, были переданы в особый Комитет под председательством гр. Кочубея, в составе Гурьева, кн. А.И. Голицына, барона Кампенгаузена и, конечно, Аракчеева. Комитет рассматривал также — об этом уже упомянуто выше — отчет о следственной части ревизии. Меры, принятые Сперанским, были одобрены, на это Комитет потратил немного времени, а с августа 1821 года

занялись рассмотрением проектов. Заседания происходили каждую неделю и шли вяло, но гладко. Члены Комитета являлись аккуратны, возражений не представляли и терпеливо переносили чтение бесконечно длинных и скучных проектов. Весьма возможно, что все сколько-нибудь опасные пункты были устранены переговорами с Аракчеевым еще до заседания Комитета. Батеньков, ближайший сотрудник Сперанского по части проектов и делопроизводитель Сибирского Комитета, состоял в то время на службе и у Аракчеева по управлению военными поселениями, и через него могли идти деловые сношения с временщиком. Остальные члены Комитета проектами Сперанского мало интересовались. В двадцать заседаний было пропущено 3020 статей; сколько-нибудь серьезных разногласий не было, только в мелочах возражал Гурьев, и эти несогласия удалось легко устранить. Соответственно предположениям Сперанского, было образовано два генерал-губернаторства в Сибири и были назначены кандидаты, представленные им же; в Восточную Сибирь — Лавинский, а в Западную — Капцевич, сослуживец Аракчеева по Гатчинским войскам. Сотрудники Сперанского получили награды, которые он для них предназначал. Сперанский же был награжден только сохранением за ним жалования по должности генерал-губернатора (20 000 р.).

На сибирские дела Сперанский сохранил влияние и в последующее время. Виртуозно владея всей техникой бюрократической машины, он придумал очень удобную для всех и для него лично форму, благодаря которой все нити остались в его руках. Сибирский Комитет был сохранен как постоянное учреждение в составе высших государственных установлений. Через него проходили все важнейшие вопросы, восходившие из Сибири до Петербурга; таким образом, устранялась необходимость передачи их в Государственный Совет или Комитет министров, а вместе с тем этой окраине как будто уделялось особое внимание. Этот прием впоследствии имел большой успех; участия в таких комитетах добивались высшие сановни-

ки, стоявшие вне рядов активной администрации, а о делопроизводстве радели ретивые карьеристы из числа восходящих светил. Впоследствии по образцу Сибирского, были учреждены Комитеты Азиатский, Кавказский, Западный, Остзейский и разные другие, имевшие свои эпохи расцвета и упадка, в зависимости от степени влияния сановников, заседавших в них. Естественно, что в делах сибирских авторитет Сперанского был обеспечен, но дела-то эти в Петербурге никого не интересовали.

В связи с заседаниями Сибирского Комитета Сперанскому приходилось бывать с докладами у императора, а так как император в то время еще уделял ему некоторое внимание, то получал он и другие поручения.

Самым важным, на первый взгляд, было поручение заняться комиссией составления законов, вероятно, сам Сперанский подсказал эту работу. Комиссия жила тогда растительною жизнью. Во главе ее оставались по-прежнему князь Лопухин, номинально, а реально — старый враг Сперанского Розенкамф. Сперанскому было поручено заведовать комиссией временно, во время отлучек князя Лопухина (в первый раз 11 июня 1821 г.), но вместе с тем на него возлагались в качестве постоянных работы по уложениям, в частности гражданскому, сочинение которого оставалось по-прежнему главным предметом деятельности комиссии. Благодаря этому, в сущности, комиссия оказалась подчиненною Сперанскому.

Обозрев ее труды, Сперанский представил императору очень резкую их критику. Нельзя назвать ее справедливою во всех отношениях. Труды комиссии были далеки от совершенства, что и говорить, но она шла в то время по более верному пути, чем тот, на который ее выводил Сперанский в 1810 и в 1821 годах. Она собирала материалы, пыталась создать из них обобщение существовавшего законодательства, помогала Государственному Совету разбираться в казусных делах и принимала участие в текущем законодательстве, внося в его разработку некоторые просвещенные течения. Проектом гражданского уложе-

ния, брошенным в 1812 году, когда для всех сделалась ясной безуспешность и бесполезность этого начинания, мало занимались, другого и не следовало ожидать.

Однако была дописана последняя, третья часть проекта в том же духе, как и первые, по французскому образцу; были сочинены проекты торгового и процессуального уложения, кое-что из этих работ было напечатано, а по качеству они не уступали проектам, скомпилированным в свое время Сперанским. Но, конечно, Сперанский не мог простить Розенкампу его интриг и козней в 1812 году и соответственно с этим критиковал его произведения. Для дальнейшего движения проектов Сперанский предложил следующий порядок: комиссия представляет их в Государственный Совет, а Сперанский сам, в качестве члена совета комиссии, дает свои «изъяснения» по поводу их, с тем, чтобы Государственный Совет разобрался в этом материале. Император согласился с таким предложением, и в ноябре 1821 года начались заседания Совета по этому предмету.

Сперанский единолично выполнил огромную работу; им написаны все бумаги Совета, относящиеся к проекту гражданского уложения, то есть и критические замечания, объяснения и даже журналы Совета. Огромные рукописи, уцелевшие в его бумагах, являются свидетельством его неустанного трудолюбия и канцелярского искусства. Обсуждение проекта шло очень вяло, но ознаменовалось очень неприятным для Сперанского столкновением с князем А.Н. Голицыным (январь 1822 г.). Голицын отстаивал свое прежнее мнение, чтобы главу о браке (кроме правил об отношениях между родителями и детьми) исключить из уложения, как относящуюся всецело к церковному законодательству, и в этом смысле написал «примечание на изъяснения». Некоторые обороты речи в этой бумаге Сперанский принял за личное оскорбление и написал государю письмо, в котором называл бумагу Голицына «личным доносом» и обвинял автора в искажениях его слов. Ответ Александра был очень холодный; импера-

тор не нашел в бумаге Голицына доноса, а только изложение его прежнего взгляда, и заканчивалось письмо словами: «...но желательно, чтобы сии изъяснения (своего образа мыслей) были предъявлены без укоризны и той едкости, которую, признаюсь, с сожалением, нашел я в письме Вашем». Этим Сперанский был поставлен на свое место.

Проект гражданского уложения в конце концов был рассмотрен Советом (декабрь 1822 г.), но в него было внесено очень много перемен. Несовершенство проекта было ясно для всех, и Сперанский не решился настаивать на введение его в действие. Он возбудил вопрос о пересмотре, указывал на необходимость сочинения новых процессуальных законов и этим задержал его утверждение, — на сей раз уже окончательно. Жалеть об этом не приходится; работа действительно была плохая как в части, изготовленной комиссией, так и в части, переработанной Сперанским. То же самое следует сказать и о других кодексах — торговом и уголовном, над которыми трудилась комиссия.

Другая работа Сперанского, приблизительно той же эпохи, также свидетельствует о неуверенности его в своем положении и о беспорядных попытках разгадать, какие течения в то время считались модными и могли снова вывести его на поверхность.

В 1816 году заговорили о желательности разделить Россию на особые наместнические округа с целью децентрализации управления и усиления надзора за ним. Весьма возможно, что эта мысль в общих словах была высказана императором, а некоторые, находившиеся не совсем у дел реформаторы старались ее оформить и осуществить. Молва приписывала разработку ее Новосильцову, но наибольшее рвение проявил бывший министр полиции Балашов. Конечно, прежде всего им преследовались личные цели — получше устроиться в провинции, если не удавалось это в Петербурге, но основною и объективною подкладкой для реформы было несовершенство нового централизованного управления, системы министерств, не осуществленной еще во всей полноте. Как уже отмечено

выше, эта реформа не была доведена до конца, и связь между министерствами и Сенатом в прежнем его значении не была приведена в соответствии с новыми порядками. Сенат оставался независимым от министерств и сохранял некоторые права по управлению; подчиненность местных начальств Сенату и министрам не была формулирована определительно в законе, а практика еще не выработала соответствующих взаимоотношений. Недовольство новой системой выражалось в различных проектах ее реформы, исходивших от лиц различных политических взглядов; предложение восстановить наместничества или генерал-губернаторства на новых началах является также отголоском этих течений.

По проекту 1816 года (автор его в точности не известен, но значительное влияние на него мог оказать Балашов) вся территория империи разделялась на округа, в состав которых должно было входить несколько губерний. Во главе округа ставился наместник, при котором учреждался Совет. Наместнику поручался надзор за действием мест и лиц, в губерниях округа состоявших, то есть за законностью их и за устранением злоупотреблений. Компетенция наместника определялась неопределенными выражениями, словами о «наблюдении», «попечении», «заботе», но распространялась и на судебное ведомство; соотношение между наместниками и высшими, а также и подчиненными учреждениями равным образом в проекте не формулировано. Это и понятно, при определенной редакции подлежащих статей пришлось бы коснуться очень сложных материй, поставить ребром вопрос об основных принципах высшего центрального управления, вопрос который даже Сперанскому в 1810–1812 годах не удалось разъяснить. Согласно проекту Сенат и министерства оставались в прежнем соотношении с губернскими властями, наместнику же предоставлялось входить в самостоятельные сношения с министрами и применять чрезвычайные меры в особых случаях; гражданские губернаторы, следовательно, оставались в прежней связи с Сенатом и

министрами, однако подчинялись в полной мере и наместнику. По важнейшим делам полагалось выслушивать мнение наместнического Совета, не обязательное, однако, для наместника. Еще туманнее определялась «ответственность» наместника — она признавалась, в сущности, только в принципе.

Этот проект подвергся серьезной критике со стороны министра финансов графа Гурьева. Цели, которые имелось в виду достигнуть такою реформой: устранение расслабленности местного управления, назначение на местах особых доверенных лиц, установление связи между общим и окраинным управлениями, по мнению Гурьева, таким путем не достигалось, ибо им не устранялись причины расшатанности местного административного строя, а организация надзора на местах в форме таких личных поручений наместникам не могла бы заменить правильную его постановку. Действительно, наместник, «ежеминутный инспектор всех частей управления», являлся лишним промежуточным органом, вносящим еще более разлада в строение власти; объединение различных отраслей управления должно было происходить, по мнению Гурьева, не в округах, а в центре, в лице монарха. Критика эта имела успех, проект 1816 года не был осуществлен и только в 1819 году, чтобы отвязаться от настояний Балашова, император согласился в виде опыта образовать в Рязани наместничество на этих началах из 5 губерний. Кочубей писал об этом Сперанскому в Сибирь (3 апреля 1820 г.) и сообщал про новых генерал-губернаторов, что, по их мыслям, «они должны быть род министров в губерниях, кои должны поверять некоторым образом министров столичных», такое де впечатление сложилось у Балашова на основании отзывов императора.

Авторы и критики проектов ощущают, как бы в потемках, сами незаметно для себя бродили вокруг основных вопросов устройства управления в государстве, вокруг систем, уже определившихся в историческом течении и довольно точно формулированных даже тогдашнею наукой.

Система провинциальная или система реальная — таковы крайние полюсы возможной постановки местного областного управления; или каждая область устраивается как отдельное самодовлеющее, замкнутое целое, или наоборот, создается единая система законодательства, и распределение компетенций общегосударственных учреждений определяется не местностью, а родом дел, отдельными их предметами.

Каждая система имеет свои достоинства и свои недостатки, возможны некоторые компромиссы между ними, но скачки от одной к другой на протяжении кратких промежутков времени очень нежелательны в интересах правильной организации и порядка управления. Такие скачки обыкновенно и не вызываются необходимостью. Ход исторического развития сам постепенно выясняет линии направления, сила вещей дает перевес тому или другому началу. И, следовательно, в переходное время, когда еще чувствуются колебания и возможны, как может казаться, избрание нового пути или возврат к прежнему, временно оставленному, необходимо с особою осторожностью выбирать правильный курс, и линию будущего сообразовать с пройденным уже путем. В противном случае неизбежны вредные и безумные блуждания, и достигается не поступательное и планомерное развитие, а беспорядочное топтание на месте.

Русское местное управление в начале XIX века переживало именно такое переходное время. С одной стороны, существовало екатерининское учреждение о губерниях, в котором элементы децентрализации нашли яркое выражение, с другой — было создано учреждение министерств Сперанского, проводившее, напротив, идеи централизации с не меньшей определенностью. Эти два принципа еще не во всем были примирены между собой, между ними происходила борьба, и компромисс следовало найти. Не составило бы особенного труда с полной ясностью установить, что преобладание было обеспечено за системою централизации. Правильно, или нет, вопрос другой, но централизация

подсказывалась всем ходом развития, все факты подтверждали его победоносное шествие, и от объективного наблюдателя этот процесс не мог остаться скрытым. В записке Гурьева есть некоторые намеки на принципиальное противоположение этих двух систем (областной и реальной), и не невозможно, что эти замечания обеспечили успех его критике; если бы задача в этом ее элементарном содержании была точно сформулирована, то отпали бы почти все колебания и споры.

С вопросами устройства областного управления Сперанскому пришлось иметь много дела. Когда он выработывал общее сибирское учреждение, и, по-видимому, проект 1816 года имел некоторое влияние на его мысли. Не удивительно, что ему поручил император разобраться подробнее в этом проекте и внести в него критические поправки. Рассуждения Сперанского по этому предмету представляют интерес для его биографии. Сперанский не только принял как факт необходимость реформы местного управления на началах, туманно обрисованных в проекте, но внес в него еще гораздо большую определенность. Рассмотрев с разных сторон понятие «надзора в управлении», попытавшись провести границу между надзором и управлением, а соответственно с этим и установить органы, порядок и пределы надзора, он предлагает схему устройства, которая сводится в существе своем к следующему.

Местный главный надзор вверяется наместнику и Совету; «наместническое управление принадлежит к порядку управления государственного (т.е. не губернскому, местному) и в существе своем есть *министерство, действующее на месте*». Наместник есть член Правительствующего Сената I Департамента и министерского Комитета. Областное управление не имеет право вводить новых постановлений, требовать отпуска сумм, ему не ассигнованных, касаться судебных решений и устанавливать общие меры в рекрутских наборах, в податях, передвижениях войск и некоторых еще случаях. По отдельному управлению (например, финансовому или почтовому) права его

более ограничены, чем по общему, и сводятся только к надзору.

Нетрудно было бы доказать все несовершенство порядка, предложенного Сперанским; даже убежденный поклонник его талантов (Н.В. Калачов) признал его мало вразумительным. Интересно лишь отметить неустойчивость Сперанского в выражении своих взглядов по такому в его жизни и деятельности важному вопросу, как система министерств. В первый период своей государственной деятельности он с полной определенностью проводил мысль о централизации и объединении управления и в этом видел особую свою заслугу, так, по крайней мере, писал он Александру из Перми. Сибирский его опыт не мог переменить в корне его взгляда, ибо Сибирская окраина отличалась многими особенностями, да и в самом деле не переменял, ибо потом в Комитете 6 декабря 1826 года Сперанский настойчиво и убежденно отстаивал свои первоначальные мысли и резко критиковал проект 1816 года. Но в 1821 году, не зная, за что ухватиться, и надеясь уловить господствующий дух момента, без всякой необходимости сжигал он то, чему поклонялся, и всеми приемами своей диалектики доказывал положения, с которыми в душе, конечно, не соглашался. Отказ от основного, если так можно выразиться, технического элемента политического мировоззрения к тому же действительно ничем не вызывался; о том или другом устройстве «надзора» на местах можно было спорить, не касаясь вовсе основных устоев политического мирозерцания. Было бы наивным доказывать необходимость политической свободы и политических прав подданных в эпоху, когда государством правил Аракчеев и лицемерие в этом отношении можно было бы оправдать, но для опровержения проекта учреждения наместничеств не требовалось особенного гражданского мужества; никто, в сущности, этим в придворных кругах не интересовался, и все проекты остались без движения.

Не удалось Сперанскому, как он ни старался, уловить настроение момента и по другому предмету, когда

также обратились к его перу для доказывания темы, еще менее привлекательной для него и еще более дискредитированной в глазах порядочных людей того времени, чем переустройство управления на началах сатрапии. Дело касалось «военных поселений». Это учреждение навеки неразрывно связано с именем Аракчеева, но инициатором их был не он, а сам император. Есть основания полагать, что уже в 1810 году, прочитав некоторые французские статьи, Александр задался мыслью провести эту реформу своей армии, но дело затянулось вследствие войны, и только в 1815 году серьезно приступили к ее осуществлению. Сущность ее сводилась к следующему.

Какой-либо определенный район казенных земель, населенный достаточным количеством государственных крестьян, назначался для «поселения» такого-то полка, и крестьяне объявлялись военными поселенцами. Это означало, что все взрослое мужское население назначалось для укомплектования данного полка, а подрастающее поколение обращалось в кантонистов, которые постепенно, по мере достижения возраста, также зачислялись в этот полк. Все население одевалось в военные мундиры, в селах заводился военный порядок и размещались соответствующие военные власти (унтер-офицеры, ротные, батальонные командиры и т.д.). Соответственно своему новому назначению поселенцы подчинялись военной дисциплине и обучались военному строю. Но вместе с тем они должны были оставаться тем, чем были раньше, — земледельцами, и должны были заниматься своим сельским делом. В теории рисовалась идиллическая картина; солдат живет у себя дома, в своей семье, работает продуктивно, а одновременно служит родине как воин. Такова была теория, а о практике подробнее нет основания распространяться, предания о ней еще свежи.

Жизнь поселенцев была невыносимой, так как они никуда не могли укрыться от каторжной и бессмысленной военной дисциплины того времени и должны

были терпеть всякие притеснения от своего начальства; все мелочи были регламентированы и все зависело от произвола начальства. К императору поступало множество жалоб и просьб крестьян об освобождении от этой каторги, такие же жалобы подавались и всем близким к нему лицам, но успеха они не имели никакого. Очень часто вспыхивали бунты, и подавлялись они жесточайшим образом. Император с поразительным, доселе еще мало оцененным упрямством, стоял на своем, не хотел слушать никого и ничего, по-видимому, убежденный в совершенстве своей выдумки, а Аракчеев старался во всю, чтобы ему угодить. Омерзительно читать переписку Аракчеева и императора по делам поселений, пропитанную явною и слащавою ложью обоих корреспондентов. В начале количество поселений было незначительно, но это бедствие быстро разрасталось, и к концу царствования около трети всей армии было расселено. Делалось это преобразование тайно, незаметно; ни в каких инстанциях не обсуждались проекты устройства, все решалось Александром и Аракчевым, в руках которого сходились все нити. Аракчеев проявил при этом недюжинные дарования как в смысле жестокости и непреклонности исполнения капризов монарха, так и в смысле организации дела.

Об ужасах, творившихся в поселениях, и о бесполезности этой затеи, как в военном, так и в экономическом отношении, знали все. Сперанский был осведомлен, может быть, даже и лучше других, так как в Новгородской губернии, недалеко от Великополья, появились первые поселения, и Великополье было впоследствии продано для этой цели. Из многих кратких замечаний Сперанского, разбросанных по его заметкам, видно, что он неодобрительно относился к этому предприятию. Но, ухаживая за Аракчевым, и он вынуждался скрывать свои истинные взгляды и, напротив, высказывать свое восхищение.

В первые же недели своего пребывания в Петербурге он вместе с Аракчевым объезжал новгородские посе-

ления и вел себя подобающим образом: в 1823 году Аракчеев устроил другую экскурсию по этим же местам, пригласив с собою Сперанского, Кочубея и Карамзина, и первые два в письмах своих выражали полное одобрение виденному ими, Сперанский даже не без восторга; Карамзин от таких доказательств воздержался. Поездка стояла в связи с предположениями, исходившими от Сперанского, составить нечто вроде кодекса для военных поселений. Его систематический ум не мирился с тем, что огромное учреждение не имело законченного на бумаге устройства, и он подсказывал Аракчеву мысль составить «общее учреждение военных поселений», объединяющее в себе все правила по этой части.

Для этой цели был образован особый Комитет под председательством Аракчеева, в составе начальника штаба, Клейнмихеля и Сперанского, а при Комитете заседала przygotowательная комиссия. Но когда первые работы комиссии дошли до Комитета, то сразу же выяснилась тщетность идеи Сперанского. Аракчеев оказался противником систематизации правил о поселениях. Ему желательно было оставаться хозяином дела, облюбванного Александром, а все приведенные в порядок «своды» могли быть только помехою в этом. При таком обороте проекты заглохли, но памятником трудов комиссии осталась брошюра Сперанского, напечатанная анонимно в 1825 году под заглавием «О военных поселениях». В ней изложены основные начала этого установления и доказываются все его совершенства. Это произведение Сперанского написано не хуже других его работ, читается оно так же гладко, как и план государственных преобразований, и блещет, пожалуй, даже большею отделкой. И в этом деле Сперанский не сумел уловить духа времени.

Эпоха законодательства, в широком масштабе рассчитанного не только на благо империи, но и на сердца всех, миновала. В начинания последних лет своего царствования император вовсе не старался вносить света, не стремился строить их по величественным архитектурным

линиям. Он делал то, что ему нравилось, не заботясь уже о «хороших» законах. Настоящим помощником ему был Аракчеев, приказчик преданный, понимавший, что вся его сила состоит в расположении хозяина, и ни о чем другом как об исполнении его капризов не помышлявший. Для государственной деятельности Сперанского не открывалось никакого простора; лично он утратил всякое обаяние, и в его дарованиях более не нуждались.

Домашняя жизнь Сперанского в эти годы ознаменовалась крупным и радостным событием: его дочь Елизавета вышла замуж за Александра Алексеевича Фролова-Багреева (16 августа 1822 г.). Этот брак очень радовал Сперанского.

Фролов-Багреев был племянником гр. В.П. Кочубея и вследствие этого брака устанавливались родственные связи с домом влиятельного вельможи и прежнего благодетеля. В устройстве брака принимал большое участие сам Сперанский, действовавший, по-видимому, решительно и сумевший убедить свою дочь. Однако брак этот не был счастливым. Фролов-Багреев оказался человеком пустым и ограниченным, скрывавшим свое ничтожество за величественным молчанием и торжественными манерами. Он не умел вести ни служебных, ни личных имущественных дел, как не умел завоевать сердца своей жены, вышедшей за него без увлечения. Пока был жив Сперанский, семья Багреевых кое-как держалась, но после его смерти она рассыпалась. Елизавета Михайловна скоро рассорилась с мужем, уехала надолго за границу, а в 1842 году произошел окончательный разрыв с мужем. Ее старший сын, с которым так любил играть дед, случайно погиб в молодых годах на Кавказе, младший — скончался еще раньше в младенческом возрасте, с дочерью она не ладила. Последние годы жизни она провела за границей и скончалась в Вене, в 1857 году. От отца она унаследовала живой ум и интерес к разнообразным вопросам; она оставила несколько литературных произведений.

В то же время Сперанский пережил и семейные горести. В 1824 году скончалась его мать, с которой он всю жизнь поддерживал переписку, а в 1825 году умер его брат Кузьма.

В связи со светскими выездами дочери Сперанского и самому пришлось вести менее замкнутый образ жизни. Он часто бывал в обществе, тем более, что имел достаточный досуг для этого. Но светские выезды его тяготили, несмотря на то, что везде его встречали очень радушно как приятного и увлекательного собеседника. С отъездом дочери он снова несколько удалился от светской жизни, хотя и продолжал вести менее затворнический образ жизни, чем в начале царствования Александра.

IX. Суд над декабристами

Переход престола к Николаю I принес с собой большие перемены в служебную и личную жизнь Сперанского. Обстоятельства сложились так, что Сперанский сразу же оказался привлеченным к самым важным в глазах нового императора делам, и на этой работе сумел заслужить его доверие.

Как известно, Александр сохранял в глубочайшей тайне подписанный им 16 августа 1823 года манифест об отречении прямого и законного наследника престола цесаревича Константина и о назначении своим преемником великого князя Николая. Об этом манифесте знали только участвовавшие в его составлении митрополит Филарет и князь А.Н. Голицын и, конечно, Аракчеев; великие князья Константин и Николай и императрица Мария Федоровна знали, что император выразил свое согласие на отречение Константина, но от них, по-видимому, были скрыты факты окончательного утверждения манифеста, точное его содержание, его дата и другие подробности. Глухие слухи о таинственных пакетах, положенных на хранение в Государственном Совете, Синоде и в Успенском соборе, распространения не получили. Таким образом, будущий император, наиболее заинтересованное и наиболее ответственное лицо, в момент получения известия о смерти своего брата мог руководствоваться только

частными сведениями, и должен был считаться с тем, что отречение прямого наследника для населения империи окажется полной неожиданностью.

Вероятно, эти обстоятельства и определили поведение Николая в первые дни после получения им (27 ноября 1825 г.) известия о смерти Александра (19 ноября). Николай тотчас же сам присягнул императору Константину, привел к присяге караулы и, вопреки предупреждению кн. А.Н. Голицына, настоял на том, чтобы и высшие государственные установления последовали его примеру. Обо всем этом он сообщил брату своему Константину в Варшаву, ожидая от него прямого и официального подтверждения своего отказа от престола или других указаний. «В тех обстоятельствах, в которых я был поставлен, мне невозможно было поступить иначе», — сказал он в разговоре с цесаревичем в 1829 году по поводу событий декабря 1825 года. Очевидно, Николай опасался, что провозглашение его императором, хотя бы и после опубликования документов, хранящихся в пакетах, народом, не посвященным в семейные тайны дворца, будет истолковано как узурпация. Он мог ожидать, что поспешные или неосторожные шаги повлекут за собой роковые последствия; Николай знал, что он не пользовался особым расположением войск, в частности гвардии; симпатии многих были обращены к отсутствующему цесаревичу. Одним словом, «исполняя свой долг», Николай надеялся предотвратить события, похожие на те, которые действительно произошли 14 декабря.

Но междуцарствие затянулось на лишние дни. Константин не приехал в Петербург, хотя о смерти императора узнал даже раньше Николая, а первые полученные от него известия — ответы на письма брата и рескрипты на имя председателя Государственного Совета и министра юстиции по поводу присяги, ему принесенной, — было признано неудобным опубликовать в качестве официального подтверждения его отказа от трона. Пришлось снова сноситься с цесаревичем, и окончательный ответ цесаре-

вича, хотя и составленный вовсе не в той форме, какую ожидал Николай, и, конечно, вовсе не заменявший личного его приезда, был получен Николаем только 12 декабря.

Когда таким образом были устранены переживаемые Николаем сомнения, возникла необходимость оповестить население о новой присяге другому императору и объяснить ему в осторожных словах причины задержки и колебаний самодержца. Задача была трудная и щекотливая, редакция манифеста представлялась тем более важным и ответственным делом, что 12-го же декабря, одновременно с письмом Константина, Николай впервые получил от Дибича известие о существовании тайных обществ в армии и гвардии, поставивших себе целью государственный переворот; поэтому можно было ожидать, что новая присяга пройдет не без осложнений. Для составления соответствующего манифеста надо было привлечь опытное и искусное перо.

Государь сперва поручил эту работу Карамзину, но не был ею удовлетворен, поэтому вечером 12 декабря был спешно вызван во дворец Сперанский, который быстро написал другой проект, одобренный Николаем. Одновременно с этим Сперанский составил и проект письма от Николая к цесаревичу Константину. Манифест действительно составлен искусно; он краток, содержит все существенное, не переобременен высокопарными фразами; первая присяга Константину и колебания императора объяснены так, что действия Николая представлены в самом красивом свете, и для всего найдены подходящие слова. Император должен был остаться довольным своим выбором.

Нет никаких данных, позволяющих заключать о знакомстве Николая со Сперанским до этого времени. Николай мог знать о Сперанском только то, что знали все; опала Сперанского, напротив, могла только возбуждать некоторое недоверие, ибо предполагала тяжкие и таинственные провинности. В разговоре с графиней Ливен, несколько недель после 14 декабря, император очень резко

говорил о Сперанском в неблагоприятных выражениях. Несомненно, что к Сперанскому 12 декабря обратились только как к известному стилисту и искусному редактору торжественных государственных актов. Вскоре, в конце декабря, император опять обратился к Сперанскому, поручив ему составление манифеста о порядке престолонаследия на случай кончины императора до совершеннолетия наследника, а в январе ему был передан проект манифеста, написанный самим Николаем, о событиях 14 декабря. Оба манифеста остались неопубликованными, второй по настоянию Сперанского, считавшего издание его до окончания суда преждевременным.

Но о Сперанском напоминали императору не только его прежние заслуги и грехи. Тотчас же после подавления восстания 14 декабря началось следствие над виновниками под непосредственным руководством самого императора. События 14 декабря произвели на Николая неизгладимое впечатление; испуг и тревожения, пережитые им в этот день, остались у него в памяти на всю жизнь. Особенно же в первое время, когда еще не были окончательно выяснены размеры заговора, когда можно было опасаться повторения активных действий, все помыслы Николая были сосредоточены над этим следствием.

В первые минуты его царствования, как правильно выразился талантливый биограф декабриста Каховского, «в России не было царя-правителя; был лишь царь-сыщик, следовательно, и тюремщик. Вырвать признание, вывернуть душу, вызвать на оговоры и наветы — вот священная задача следователя; и эту задачу в конце 1825 и 1826 годах исполнял русский император с необыкновенным рвением и искусством... Николай Павлович мог гордиться тем, что материал, который лег в основу следствия, был добыт им и только им, на первых же допросах». А в показаниях декабристов царственный следователь очень часто встречал фамилию Сперанского. В числе кандидатов во временное правительство, которое надлежало учредить по низложению императора, очень многими заговор-

щиками назывались имена Мордвинова и Сперанского. На них указывал уже кн. Трубецкой в 1824 году; с этими кандидатами соглашались и другие (Рылеев и Каховский), хотя среди заговорщиков и существовали некоторые колебания по этому предмету.

В других письменных показаниях, а они все очень внимательно изучались императором и испещрены его пометками, — встречались указания на то, что действительно удастся привлечь Сперанского в члены общества; надеялись воздействовать на него через Батенькова, видного деятеля общества. Из некоторых показаний (Завалишина) можно было сделать вывод, что Сперанский даже был посвящен в намерение привлечь его в состав временного правительства. Одним словом, подозрения относительно Сперанского, Мордвинова и некоторых других сановников сгустились настолько, что по этому предмету было произведено даже особое, самое секретное расследование, и в камеру к Трубецкому в марте (28) 1826 года приехал для особого допроса от имени государя сам Бенкендорф. «Ваше показание, — говорил Бенкендорф, — не повредит Сперанскому, он выше этого, он необходим; но Государь желает знать, до какой степени он может доверять Сперанскому». Об участии Сперанского допрашивали особо и Батенькова; по-видимому, сохранившаяся в его письменных показаниях характеристика Сперанского стоит в связи с этим.

Однако дознание выяснило отсутствие связи Сперанского с декабристами и, очевидно, убедило императора, ибо именно в это время, как уже указано выше, он продолжал обращаться к Сперанскому и по делам секретного характера, и по другим вопросам, весьма в его глазах серьезным. Если бы у него остались сколько-нибудь определенные сомнения, едва ли Николай доверял бы Сперанскому что-либо из этого, особенно, если принять во внимание, что как раз в это время его обычная подозрительность обострилась до крайних пределов. Но несомненно, что еще в январе 1826 года Сперанскому было поручено обдумать

план работ вновь учреждаемого Второго Отделения Собственной Его Величества Канцелярии, несомненно, что тогда же он был намечен как негласный, но истинный руководитель этого учреждения, вопрос упорядочения законодательства очень интересовал императора, он считал его очень важным и старался обставить дело как можно лучше. Правда, официального назначения управлять Вторым Отделением Сперанский не получил и как будто даже был поставлен под надзор Балугьянского, которому при назначении его начальником II Отделения (4 апреля 1826 г.) император сказал: «Смотри же, чтоб он (Сперанский) не наделал таких же проказ, как в 1810 г., ты у меня будешь за него в ответе». Но Николай хорошо знал своего бывшего учителя, знал про его хорошие отношения со Сперанским и, конечно, мог догадываться, что в сыщики и надзиратели он не годится.

Если принять все это в расчет, то трудно предположить, чтобы подозрения оставили в сердце императора сколько-нибудь заметный осадок. Поэтому, когда дело декабристов уже «созрело», по выражению Сперанского, до суда, то едва ли император колебался призвать этого либерального сановника к работам суда; вероятно, он тем охотнее обратился к нему, что ожидал от Сперанского особенного усердия и рвения, именно ввиду упоминания его фамилии в показаниях заговорщиков.

Об участии Сперанского в верховном суде уже известно давно, во всех биографиях его об этом вскользь упоминается. Но только в недавнее время, когда была снята тайна со всех архивных документов, касающихся дела декабристов, только теперь путем изучения собственноручных заметок и записок Сперанского и путем сопоставления их с другими актами, одним словом, неопровержимыми свидетельствами, удалось установить, что Сперанский был негласным, но главным руководителем суда, был главной «пружиной работы верховного суда, тем скрытым маховым колесом, которое приводило в движение весь сложный механизм этого чрезвычайного судилища».

Организация суда была поручена Сперанскому в начале мая 1826 года. Порядок и обряд производства верховного уголовного суда не был установлен в законе; такого рода инстанции создавались по мере надобности, в различном составе, и их процедура также определялась особо для каждого отдельного случая. Но были прецеденты — дело Мировича, дело о Московском бунте 1771 года, дело Пугачева, они-то и положены Сперанским в основу производства, вырабатываемого для суда над декабристами. Уже в мае были окончательно разрешены основные вопросы процедуры: было признано излишним вызывать не только всех, но и главнейших виновников в суд для допроса, то есть было признано возможным положиться исключительно на следственный материал, а подсудимых опросить через особые «депутации» и предлагать им только немного вопросов, чисто формальных.

1 июня 1826 года был подписан манифест о составе суда, составленный Сперанским. Изучение прецедентов побудило Сперанского возражать против предложения князя Алексея Куракина о привлечении в состав судилища большого количества духовных членов, потому, как он указывал: «1) что прежде сего не бывало, всегда Синод один был приглашаем; 2) что сим умножится число членов, кои в окончательном приговоре по сану их от смертной казни отрекуются». С неизбежностью применения смертной казни или, точнее, с соответствующим приговором суда Сперанский считался, как видно из этих слов, еще до начала суда и заботился об устранении всякого повода к тому, чтобы строились предположения об отсутствии единодушия в составе суда.

Кроме манифеста им же были составлены дополнительные статьи касательно обряда суда. Согласно этим статьям как будто на волю суда предоставлялось образовать особую ревизионную комиссию для проверки следственного производства, но избрание ее предполагалось как нечто неизбежное, а вместе с тем деятельность этой комиссии ограничивалась очень тесными рамками. Для ускорения комиссия разделялась на отделения в составе 3

членов, и эти депутации должны были предлагать обвиняемому только три вопроса: «1) его ли рукой подписаны показания, в следственной комиссии им данные, 2) добровольно ли подписаны, 3) были ли ему даны очные ставки». Затем суду предлагалось избрать комиссию для распределения всех 121 подсудимых по разрядам, и вот, когда суд дошел до этой стадии производства, в состав намеченной для этого комиссии судом был избран Сперанский. Остальная работа по классификации всех подсудимых, в зависимости от степени их виновности, объединение их в группы и установление для каждой подходящего наказания, предполагала очень внимательное изучение всего обширного следственного материала, и вся эта работа была выполнена Сперанским.

Для этой цели были составлены особые записки о каждом подсудимом, содержащие изображение всех существенных обстоятельств, из которых одни «принадлежат к усилению вины», например, пункт 9 — «предательство государства и умысел на цареубийство», другие же — «к ослаблению». Эти данные располагались по особой схеме, так что по записке легко можно было установить степень участия отдельного лица в действиях тайных обществ, степень преступности его намерений, а также наличность смягчающих вину обстоятельств (юность, раскаяние в двух видах: «с совершенным отступлением от общества» и с «отступлением временным»). Сперанский сам составил пять образцовых записок. Затем была установлена — им же, конечно, в делах заговорщиков наличность трех родов преступлений: цареубийство, бунт и мятеж воинский, и эти роды, в свою очередь, были подразделены на виды. Виды располагались по тяжести преступных деяний, а затем по этой схеме каждый из подсудимых мог быть отнесен по «видам» к тому или другому разряду.

Такой порядок установления окончательного приговора, в сущности, не противоречил тогдашней процедуре уголовного судопроизводства. Напротив, краткие, но определенные «записки» в форме, намеченной Сперанским, со-

ставляют значительное улучшение так называемых экстрактов из дела, которые в то время полагались в основу решений высших судебных мест. Огромные по объему экстракты, даже в тех случаях, когда не бывало злоупотреблений со стороны составлявших их чиновников, писались обыкновенно плохо и давали весьма неясную и неотчетливую картину дела. Уголовный суд того времени разбирал в отсутствие подсудимого и выносил приговор единственно на основании следственного материала; допрос подсудимого был простою формальностью и мог иметь практические последствия только в том случае, если следствие было полно явных злоупотреблений. Никаких отступлений от существовавшего порядка (например, введения состязательности или судебного следствия, допущения защиты) и нельзя было ожидать в процессе декабристов, когда участь каждого подсудимого уже была предрешена, и высшая власть только торопилась закончить свою расправу.

Но этим не ограничивается его участие в работе суда. Требовалось, чтобы судоговорение закончилось как можно скорее, и поэтому Сперанским было составлено расписание заседаний суда с точным указанием, что в какой день делать. Предположения Сперанского о размерах наказаний прошли не целиком, суд оказался гораздо более суровым. Для подсудимых, «выделенных из разрядов по тяжести их вины», подавляющее большинство, в том числе и Сперанский, высказались за казнь четвертованием, ссылаясь на Воинский устав 1716 года, и только Мордвинов, как известно, стоял за дарование им жизни, но по разрядам 2 и 3 суд, вопреки проекту Сперанского, также высказался за смертную казнь, по другим разрядам также оказались разногласия, причем различные меры наказания были установлены для отдельных подсудимых одного и того же разряда.

Поэтому в проекте доклада государю, составленном Сперанским же, намечены меры к смягчению наказания и дана сводка числа голосов, поданных в отношении к каждому подсудимому. Для духовных членов им же была состав-

лена оговорка о том, что они «от сентенции присуждающей к смертной казни не отрицаются, но поелику духовного звания, то к подписанию ее приступить не могут». Смягчения наказания были обозначены самим императором на докладе, но оставался еще самый неприятный вопрос — о применении и о виде смертной казни. Решение этого вопроса в принципе императором было предоставлено суду: «Государь ее сам не утвердит, а уполномочивает верховный суд окончательно самому разрешить тот предмет». Этим была решена судьба пяти лиц, поставленных вне разрядов, а все сомнения относительно способа лишения их жизни также были устранены Сперанским. В письме Дибича к председателю суда князю Лопухину 10 июля сказано: «На случай сомнения о виде казни, какая сим преступникам судом определена быть может, Государь Император повелеть мне соизволил предварить Вашу Светлость, что Его Величество никак не соизволяет, не токмо на четвертование, яко казнь мучительную, но и на расстреляние, как казнь одним воинским преступлениям свойственную, ни даже на простое отсечение головы, и, словом, ни на какую смертную казнь, с пролитием крови сопряженную». Черновик этой записки написан собственноручно Сперанским. Наконец, и последний акт — манифест 13 июля о совершении суда над декабристами также был им составлен.

Одним словом, во всех действиях суда видна заботливая рука искусного режиссера, который направлял представление во всем согласно видам и предназначениям начальства; он знал цену исполнителям, руководил неопытными, думал за неумных, и благодаря его стараниям представление прошло гладко. Как будто было соблюдено внешнее приличие, явно безвкусные действия суда были предупреждены, и ответственность императора была смягчена — насколько позволяли его личное пристрастие и жажда мести. Издали расправа над декабристами могла показаться настоящим судом в торжественных формах, а не тою простою формальностью, какою она была на самом деле. Бенкендорф в своих мемуарах решился даже напи-

сать, что этому делу государь «придал возможную степень законности и гласности» и что «никогда в России не бывало судилища, пользовавшегося дольшею независимостью». Несомненно, что только благодаря Сперанскому осуждение декабристов было закончено в короткий срок, но в пределах поставленных ему задач он приложил все усилия к тому, чтобы предупредить или ослабить возможность приговора явно несправедливого по отношению к отдельным подсудимым.

Не следует преувеличивать благотворного влияния Сперанского на процесс; едва ли интересы Фемиды особенно выиграли от того усердия и искусства, которые он проявил. В конечном итоге, и без его участия судьба декабристов в основных чертах оказалась бы тою же самою; если бы верховное судилище в экстазе раболепства вынесло какой-либо несуразный по своему зверству приговор, его все равно пришлось бы смягчить, а в дозировке наказаний разобрался бы и Николай, знавший следственное производство не хуже Сперанского. Если бы иерархи, забыв про свой духовный сан, подписали смертный приговор без всяких оговорок, то этим бы они только обнаружили свою истинную сущность. Личные мысли и чувства Сперанского в судебном производстве не нашли выражения; нельзя указать ничего похожего на акт протеста против действий суда, ни одного поступка, который выделял бы его из прочего состава суда. С участием Сперанского или без такового процесс декабристов остался бы себе равным — актом расправы с побежденным противником, различия сказались бы только в деталях.

Однако справедливость требует указать на то, что Сперанскому нелегко далась эта кропотливая работа. В самом деле, читая показания декабристов, не мог он не вспомнить, что в былые времена сам красноречиво излагал мысли о политической свободе, о необходимости коренных реформ, что сам осуждал многое, их возмущавшее, и должен же он был, если не чувством, то разумом оценить истинный вес «дерзости мечтаний» этой «горсти

извергов». Но если воспоминания о старом «деле», много лет тому назад бывшем в его производстве и уже сданным в архив, само по себе и не могло вывести Сперанского из душевного равновесия, то, с другой стороны, непосредственное участие в истреблении такого количества молодежи, из которых он многих знал лично, не могло пройти для него бесследно. Достаточно напомнить, что Батеньков, по классификации Сперанского оказавшийся в III разряде государственных преступников, пользовался особым его расположением и даже жил в его доме. О душевных страданиях Сперанского могли знать только самые близкие к нему люди; по словам его дочери, она в это время нередко видела своего отца в терзаниях и со слезами на глазах, и он даже покушался уйти в отставку.

Нет основания в биографии Сперанского обходить молчанием его участие в суде над декабристами. Этот печальный, но характерный эпизод объясняет то доверие Николая к дарованиям и преданности своего сотрудника, которые впоследствии облегчили их совместную работу и дали Сперанскому возможность довести до успешного конца важнейшие государственные работы, ему порученные.

Эти работы облегчались отчасти и многими качествами нового императора. Николай был натурой значительно менее сложною, чем его старший брат. Он уступал ему в умственных дарованиях, в тонкости ума, в образованности, может быть, даже в упорстве и силе характера, зато был свободен от личных многих темных свойств Благословенного императора, столь тягостных для его сотрудников. Он был менее двуличным, не прикрывался личиною благого ангела и позировал на смелого рыцаря, бескорыстно защищающего вполне определенные принципы. Горизонт его не был широк, принципы сводились к очень простым, а в связи с этим была элементарно проста и его внутренняя государственная политика. Несогласия с ней не допускались.

Он любил порядок, был требовательным начальником, но требовательность касалась преимущественно

внешности и мелочей; должно быть, он меньше презирал людей, чем его брат, и не любил ими играть. Своим ближайшим сотрудникам он не ставил западни и ценил тех, кто сумел войти в его доверие; такие резкие и не для кого необъяснимые переходы от милости к совершенно искреннему равнодушию, каких много можно наблюдать в жизни Александра, ему были не свойственны. Не подлежит сомнению, что такой тонкий человек, как Сперанский, все это очень быстро оценил и соответственно с этим и действовал.

Процесс декабристов показал Николаю, что либерализм Сперанского не опасен, но все же в прошлом у Сперанского оставались опала и ссылка, ближайšie причины которой императору не были вполне ясны. Но вскоре в августе 1827 года, по случайному поводу (орденский канцлер кн. Куракин, бывший покровитель Сперанского, не принял в расчет при раздаче пряжек за беспорочную службу времени, проведенного им в ссылке) Сперанский представил императору письма Александра 1819 года, и, вероятно, в связи с этим было у них объяснение, которое сняло и это пятно. Император еще более укрепился в своем доверии к Сперанскому, и оно осталось неизменным до его смерти. Беседуя с бароном Корфом, явившимся к нему с докладом о кончине Сперанского, император сказал, между прочим: «Михайла Михайловича не все понимали и не все умели довольно ценить: сперва я и сам в этом более всех, может статься, против него грешил. Мне столько было наговорено о его превратных идеях, о его замыслах; клевета осмелилась коснуться его даже и по случаю истории 14-го декабря. Но потом время и опыт уничтожили во мне действие всех его наговоров. Я нашел в нем самого верного и ревностного слугу, с огромными сведениями, с огромною опытностью, с не устававшею никогда деятельностью. Теперь все знают чем я, чем Россия ему обязана, и клеветники давно замолчали. Один только упрек, который я мог бы ему сделать, — это его чувства к покойному брату; но и тут конечно...» На этих словах прервалась фраза.

Х. Комитет 6 декабря 1826 года и Свод Законов

Показания декабристов, которые так внимательно изучались императором, были полны обличений произвола и злоупотреблений тогдашнего государственного управления. Они не могли не произвести впечатления на Николая, ибо он и по собственному опыту знал, что в империи далеко не все обстоит благополучно. Некоторые реформы казались необходимыми, этого требовала простая осторожность и личная предусмотрительность. Соответственно с этим Николай предпринял некоторые шаги. Они шли по двум направлениям. Желая прежде всего бороться с неправосудием, Николай обратил внимание на приведение в порядок законодательства, уже существующего, и в январе 1826 года, то есть в первые же недели своего царствования, поручил Сперанскому разработать программу соответствующих работ. Затем, несколько позднее, может быть в связи с тем, что упорядочение законодательства в том виде, как оно было задумано, не должно было повлечь за собой исправления его по существу, возникла у него мысль о преобразованиях государственного механизма, и для этой цели был образован 6 декабря 1826 года особый секретный Комитет из самых

доверенных сановников, а в число членов Комитета был приглашен и Сперанский*.

Таким образом, Сперанский оказался в непосредственной близости к самым ответственным работам. Впрочем, реформы 20-х годов были задуманы в очень скромном объеме и никаким размахом не отличались.

Программа работ определялась следующей весьма лаконичною запиской императора: «...занятия комитета должны вкратце состоять: 1) в пересмотре и разборе бумаг, найденных в кабинете покойного Государя императора, 2) в пересмотре нынешнего государственного управления, 3) в изложении мнения: 1) *что предполагалось*; 2) *что есть*; 3) *что кончить оставалось бы*; 4) в изложении мнения: *что ныне хорошо, что оставить нельзя и чем заменить*». Император, кроме того, подчеркнул, что это дело он почитал «*из важнейших моих занятий и обязанностей*».

Нельзя сказать, чтобы эти директивы отличались особенною определенностью; для того чтобы работы Комитета не расплылись в безбрежном море разговоров о том, что хорошо, а что дурно, необходимо было выработать более конкретную программу, и это сделал, как свидетельствует барон М.А. Корф, близко знакомый с делопроизводством Комитета, — Сперанский. Он наметил, во-первых, предметы занятий, затем образ действия Комитета, иначе говоря, материалы и последовательность их рассмотрения и, наконец, «порядок исполнения», настаивая на том, чтобы «все новые положения были обращены к исполнению не иначе как в общей их совокупности и в одну определен-

* Председателем Комитета был граф Виктор Павлович Кочубей, а членами, кроме Сперанского, гр. П.А. Толстой, И.В. Васильчиков, впоследствии председатель Государственного Совета, кн. А.Н. Голицын, И.И. Дибич (впоследствии фельдмаршал и граф). Делопроизводством Комитета ведал сперва Блудов, достигший впоследствии высших должностей и графского титула, затем Дашков (бывший впоследствии председателем департамента Законов), и наконец (бывший также впоследствии председателем департамента Законов) Модест Андреевич Корф, биограф Сперанского.

ную эпоху», а не в отдельности, — только таким образом можно было, как он полагал, обеспечить полное их действие. В 1811 году Сперанский высказывал тот же взгляд на осуществление плана преобразований. Эти советы были, конечно, приняты Комитетом, и благодаря им его работа была поставлена на рельсы и могла идти интенсивно.

Много времени было бесплодно потрачено Комитетом на чтение и обсуждение разных записок, найденных в бумагах Александра I, в общем, не представлявших по внутренним своим достоинствам особого интереса, а также на ознакомление с проектами, полученными лично императором Николаем от разных лиц и переданных им на обсуждение Комитета. Но вместе с тем Комитету пришлось заниматься и вопросами, представлявшими действительно большую важность. Устройство высших государственных установлений, Государственного Совета, Сената, Комитета министров, министерств в целом и в отдельности каждого — все подлежало его критике. Естественно, что при этом необходимо было восходить к проектам более ранним, ибо Комитету было поручено выяснить, «что предполагалось» в свое время, Сперанский указал на свои проекты реформы Сената, но о «плане государственного преобразования» Комитет не вспомнил, и, должно быть, Сперанский на него не указывал.

Когда в одном из первых же заседаний Комитет встретился с сохранившеюся в бумагах Александра I запискою «без имени сочинителя и без числа», служащей, по-видимому, продолжением бумаг о составе уложения, то он оставил ее без уважения «как заключающую в себе одни общие мечтательные предположения о мерах для изменения коренных государственных установлений. В следующем же заседании он установил свои исходные точки зрения «что Государь Самодержавный, будучи не только средоточием и соединением всех властей в отношениях политическом и гражданском, не вверяет никому сей власти во всем пространстве ее, а пользуется для достижения цели всякого мудрого Правительства от-

дельными удостоенными его доверенности лицами, или для совещания о новых узаконениях, или для исполнения предначертанной воли его». О каком-либо ином участии подданных в осуществлении государственной власти ни здесь, ни в других суждениях Комитета не упоминается, и, даже высказываясь за отделение судебной власти от правительственной, Комитет это положение мотивирует не соображениями Монтескье, столь привычными Кочубею и Сперанскому, а гораздо проще. Обязанность советников, обсуждающих узаконения, долженствует быть отличена от обязанностей блюстителей за исполнением законов, и «в ведомстве их последних надлежит еще за обширностью оной и по особенному ее свойству отделять часть судебную». При Александре писали цветистее.

Однако, обсуждая реформу Сената, Комитет положил в основание своих суждений проект Сперанского 1811 года и согласился с его руководящими принципами, а именно с обособлением Сената судебного, высшей инстанцией для отправления правосудия и надзора за ним*, и правительствующего, образованного из министров и особо доверенных лиц, высшей административной инстанцией, средоточия государственного управления. В связи с этим Государственный Совет должен был получить значение учреждения исключительно законосовещательного и освобожден от некоторых функций, которые были возложены на него в 1810 году, когда он, согласно мыслям Сперанского, в общем строе государственных установлений должен был играть роль коллегии, объединяющей и связывающей все прочие высшие места (дела судебные, об от-

* Следует отметить, что, подробно рассуждая при рассмотрении вопроса о составе Сената, о возможности допустить в его состав чиновников чином ниже тайного советника, Комитет «не признал удобным допустить к присутствию в Сенате членов по выборам и отменил сие предположение»; соответственно с этим исключались из проекта Сперанского параграфы, определяющие порядок избрания Сенаторов (заседание 23 марта 1827 г.).

чуждении казенных имуществ и т.п.). Намечались также некоторые перемены в устройстве министерств и в распределении компетенций отдельных ведомств.

Журналы Комитета, с которыми в основных чертах обыкновенно соглашался Николай, бледны и бесцветны; несомненно, что они только правильно отражают рассуждения Комитета. Наибольшее место отведено в них техническим подробностям, канцелярской, чисто делопроизводственной стороне дела реформируемых учреждений. Все сколько-нибудь значительное, как, например, указанное уже отделение судебной части от управления, переустройство Сената на этих началах, упразднение Комитета министров с установлением нового объединяющего органа (Сената правительствующего), есть только повторение того, что намечалось в проектах Сперанского 1811 года, и даже в технической отделке проекта не чувствуется свежести мысли.

Но и в этом Комитете на высоте своей славы оказался, впрочем, первый государственный секретарь. В записке Сперанского о государственных установлениях, объясняющей ход исторического развития порядка управления, сказывается его искусство в лапидарной и сжатой форме, но гладко и связно излагать очень запутанные материи. Правда, Сперанский во многом следовал своим прежним работам, но внес в них и новые мысли, и обнаружил глубокое понимание строения нашего государственного механизма и взаимодействия его частей.

Можно было бы привести много доказательств этому, но они завлекли бы в подробности, поэтому нет повода останавливаться на записках его о постановлении вопросов, о собирании голосов, о решении в случаях разногласия и др. Для иллюстрации укажу только один пример, где в связи с разработкой организации государственных установлений, когда у его сотрудников и даже у более выдающихся государственных деятелей все внимание поглощалось внешним устройством и компетенцией реформируемых учреждений,

Сперанским — и только им — выдвигался на первый план материально-правовой принцип, к которому возводились практические и теоретические предпосылки и трудности. Это вопрос о праве высших и низших судебных и административных мест свободно толковать закон. Необходимость провозглашения этого принципа была ему ясна; печальные последствия, связанные с его ограничением, для Сперанского были очевидны, но определенного и смелого решения он опасался предложить, сознавая неподготовленность тогдашнего судебного и административного персонала. Его замечания и колебания, всегда кстати и с ясностью выраженные, очень поучительны; он отвел им место в кратком историческом обзоре государственных установлений (см.: «Архив» Колачова. 1859 год, т. III, стр. 29); во всей полноте выдвинул вопрос при обсуждении компетенции Государственного Совета (см.: Сборник И.И.О., т. 74, стр. 25), возвращался к нему и впоследствии, когда пришлось обдумывать порядок дополнения и пояснения кодифицированных законов (см. его мысли, приведенные в книге Г.Э. Блосфельдта «Законная сила Свода Законов». 1917 г., стр. 82 и след.). Все эти рассуждения стоят в связи с попытками Сперанского провести различие между «законами» и «распоряжениями» подзаконных властей и практически осуществить его в русском законодательстве. Поучительны как внимание, уделенное Сперанским этому предмету, так и внутренние его колебания.

Реформа местного управления особенно интересовала Николая; он настойчиво требовал от Комитета ускорения работ именно по этому предмету. В связи с этим Сперанскому пришлось встретиться в заседаниях Комитета со своим старым приятелем Балашовым, так усердно интриговавшим против него в 1811 году. Балашов был вызван для защиты своего проекта 1816 года о разделении империи на наместнические округа, но проект его в Комитете успеха не имел и был раскритикован настолько, что даже единственное образованное в виде опыта (в

1819 г.) под управлением Балашова Рязанское наместничество было упразднено. Сочинение нового проекта губернского учреждения было поручено Сперанскому, и этот проект быстро был приведен им к окончанию. Сперанский пытался в нем установить большее единство уездного и губернского управления, усилить надзор, расширяя в этой области рамки коллегиального начала, и проводил принцип разделения судебной и административной власти, — начало, положенное Комитетом в основу своих предположений, несомненно, под его же влиянием. И эти очень обширные по объему работы требовали от него напряженной и внимательной работы, хотя и здесь он отчасти воспользовался своими более ранними трудами.

Наконец, руководящая роль принадлежит Сперанскому и в третьей части трудов Комитета 6 декабря, а именно в составлении той части проекта реформы законов о состояниях, которая касалась самого трудного и большого вопроса — о крестьянах. Основные мысли были предуказаны Комитету императором в короткой записке, где речь шла о запрете продавать имения, называя число душ и об обособлении дворовых людей от крестьян. Может быть, подсказаны они были Николаю Сперанским, во всяком случае, только в его обработке они получили определенное содержание, и именно им сделаны из них все выводы, какие возможны для упразднения крепостного права. В этом отношении он шел гораздо дальше беглого наброска императора.

Сперанский предлагал ряд практических мер к ограничению числа дворовых людей, а именно производство особой переписи их, обособление подушной подати с крестьян и дворовых, запрет перевода крестьян в дворовые, усиление обложения с дворовых до тройного размера, отдельный учет рекрут для обоих разрядов, облегчение отпуска на волю дворовых и обратного перевода их в крестьяне. Продажа и залог дворовых отдельно от деревень воспрещалась, а если у владельцев не было деревень,

то дворовые приписывались к особым городским служебным цехам.

Все эти меры были направлены к ограничению и даже полному прекращению состояния дворовых — рабов в истинном значении слова; крестьян же, по мысли Сперанского, следовало возвратить к тому правовому положению, в котором они находились в древности, когда были «крепкими владельцу по земле, а не по лицу», в связи с этим должна прекратиться личная продажа их в виде движимого имущества. Но этим не устранялись еще все злоупотребления помещиков и дерзости крестьян; единственным средством к этому было бы определение всех крестьянских работ и повинностей договором. Для этого надлежало прежде всего устроить казенных крестьян, а затем привести крестьян помещиков в то же положение, какое будет определено для казенных. Различие между указанными разрядами сохранилось бы: 1) в управе полиции и 2) в особенном порядке, «коим оброки в помещичьих селениях могут быть заменяемы работами на хозяйственных помещичьих заведениях». До полного осуществления предлагаемых мер, предполагавших крупные реформы земского управления, следовало облегчить увольнение крестьян.

Упразднение крепостного состояния должно было произойти постепенно и в медленном процессе, — такой взгляд Сперанский проводил уже в 1802 году и, несомненно, по искреннему убеждению. В 1827 году он высказался подробнее и снабдил свои предположения аргументами историческими и отчасти даже правовыми. В этом отношении его короткие и сжатые тезисы заслуживают большого внимания как один из немногих, а по времени едва ли не первый опыт, характеризующий юридическую природу крепостной зависимости; о крепостном праве тогда и еще много лет спустя рассуждали все, но над правовой сущностью его не задумывались. И следует еще раз подчеркнуть, что именно Сперанский придал этому делу такой оборот, что Комитету пришлось поставить вопрос

гораздо шире, чем того требовали слова поручения императора*.

Проекты Комитета успели только в 1830 году, и рассмотрение их в Государственном Совете началось с закона о состояниях. По многим пунктам возникали разногласия, но, в общем, он прошел гладко, даже в частях, относящихся к крестьянам и дворовым. Однако император медлил с его окончательным утверждением. Впечатления от декабрьских событий отодвигались в прошлое. Тем временем цесаревич Константин высказался за новый пересмотр проекта, а вскоре произошла июльская революция во Франции, начались волнения в Бельгии и в Польше, и реформаторский пыл Николая ослабел. Проекты Комитета дальнейшего движения не получили; некоторые его предположения потом были осуществлены, но не в значительном объеме. Об этом можно пожалеть отнюдь не потому, что проекты Комитета были близки к совершенству или сулили коренное улучшение существовавших порядков, а потому, что эти последние были настолько печальны и мрачны, что всякое, даже и не радикальное их улучшение в значительной мере уменьшило бы сумму горя и страдания в России.

Параллельно с этими проектами преобразования, как уже отмечено, шли работы по приведению во внешний порядок действовавшего законодательства, порученные Сперанскому.

Не в первый раз приступала русская государственная власть к решению этой проблемы. На всем протяжении XVIII века не прекращались попытки установить внутреннюю связь между случайным и казуистическим текущим законодательством; беспрестанно учреждались

* В связи с возбужденным Сперанским вопросом об улучшении порядка управления государственными крестьянами был образован особый Комитет под председательством князя Куракина, который и выработал соответствующий проект, и впоследствии, когда это дело перешло к Киселеву, Николай поручил ему советоваться со Сперанским (см.: К. Зайцев. Очерки истории самоуправления государственных крестьян, 1912, стр. 82).

для этой цели специальные «комиссии составления законов», но не удавалось им довести свое дело до конца.

Если ближе всмотреться в характер и обстановку деятельности этих учреждений различных эпох, то нетрудно заметить существенные различия в основном их назначении. Иногда от них ожидали сочинения действительно новых законов, взамен существующих, явно неудовлетворительных; чувствовалась потребность все старое здание снести и вместо него построить новое. От комиссий ожидали того улучшения, которого правительство не рассчитывало добиться путем издания указов по отдельным вопросам. Новая, единою мыслью и планом внутренне связанная в своих составных частях система законодательства, приведенная в порядок с внешней стороны, должна была служить радикальным лекарством от всех пробелов и недостатков и создавать новое и могучее орудие власти. Неудача, сопутствовавшая таким попыткам, вполне понятна — иначе, и быть не могло. Законы не падают с неба в готовом виде, и определение тех или других, далеко не всегда наиболее способных чиновников специально к писанию «хороших» законов не сообщает им особых даров духа. Между тем трудности, лежавшие на пути этих деятелей, были очень велики.

Наименее совершенными были законы гражданские, касающиеся повседневных отношений обывателя по имуществу и определяющие его семейную жизнь; их недостатки были ощутительны для всякого. Замена казуистических и случайных указов единым и связным целым, которое обеспечивало бы прогресс по сравнению с существующим порядком и вместе с тем не шло в разрез с привычками и бытом, — задача, как всем теперь известно, очень нелегкая. Она предполагает ясное представление об исторических основах существующего, подлежащего реформе порядка, ибо только она определяет точки отправления и движения, иначе говоря, линию развития. Она требует далее ясного представления о тех целях, к которым стремится законодатель, и о пределах возможного,

которых он не должен преступать. Для всего этого требуются подготовленные силы и даже особые дарования. Эта задача усложнялась существованием рабства и крепостной зависимости, институтов, к которым полагалось прикасаться с величайшей осторожностью; ибо они почитались основой существовавшего социального равновесия. Государственная власть тревожно следила за ревнивою охраной своих прав со стороны господствовавших классов. Следовательно, первый же вопрос уложения, выражаясь терминологией гражданского права, — понятие субъекта прав и определение объема его правоспособности, и далее, все связанное с правом одного человека над другим, поднимал такие разговоры, которых правительство вовсе не всегда было склонно допускать и к которым всегда относились подозрительно.

Не лучше чем с гражданскими обстояло дело с законами процессуальными, определяющими деятельность суда. Она была ниже всякой критики и кроме негодования ничего не возбуждала. Тут кроме многочисленных технических трудностей, возникала необходимость коренной реформы всего низшего и высшего управления, а это влекло за собой расходы из скудной и почти всегда пустой казны. Да и неоткуда было набрать подходящих людей.

Наконец, и в области права уголовного реформаторам приходилось постоянно спотыкаться о такие вопросы, как кнут и пытка; эти средства воздействия в теории осуждались, но на практике их считали опорой и основой государственности. Одним словом, к значительным трудностям существа задачи присоединялась робость законодателя, связанность его существовавшим строем, близорукая боязнь и неуверенность в своих силах. Все это вместе взятое парализовало деятельность законодательных комиссий. Высшая власть не умела и не решалась дать им определенные директивы. Она ждала от них того, что сама не могла им сообщить. Даже комиссия Екатерининская 1767 года в своем отношении не составляет изъятия. В «Наказе», для нее сочиненном императрицей, много

высоких истин и прекраснодушия, но их трудно облечь в статьи закона. Депутаты же привезли с собой только жалобы и сведения о вопиющих недостатках существовавших порядков, но о средствах для врачевания болезни представления не имели. Понятно, что за отсутствием конкретного проекта, работы комиссии выродились скоро в разговоры, и как только главная цель созыва комиссии, цель политическая, — сообщение узурпированной Екатериной власти некоторого правового обаяния путем косвенного одобрения своеобразного представительного собрания земских чинов, по мнению императрицы, была достигнута, так императрица охладела к ней, и она была распущена. В другие времена, например, при Елизавете, при Павле деятельность законодательных комиссий протекала с меньшим шумом, но столь же бесплодно.

Такою же была судьба и комиссии составления законов, учрежденной при Александре I, в 1802 году. И ей поручалось начертание «уложения», хартии гражданских прав. И ей ничего не давалось в руководство, кроме высоких фраз об общем блаженстве. К разрешению этой проблемы были привлечены люди в общем мелкие, которым оно было не по плечу. Розенкампф, стоявший во главе этого дела, не обладал огромными творческими дарованиями, необходимыми для этого предприятия, а его сотрудники и подавно.

В 1809 году писание уложения перешло к Сперанскому, и без того перегруженному всякой работой, а к этой именно совсем неподготовленному. Естественно, что и Сперанский, компилируя кое-как по французским источникам, не мог создать ничего удовлетворительного. После его ссылки руководство комиссией снова возвратилось к Розенкампфу, но значение комиссии уже не возродилось, а силы ее только слабели. Возобновление работы по уложениям в 1822 году не предвещало им успеха — этим делом уже более никто не интересовался, и оно заглохло. Таким образом, и царствование Александра I в этом отношении ничем положительным не было ознаменовано.

Но иногда, в другие исторические моменты, вопрос сочинения законов ставился в более простом и узком смысле; отчаявшись написать новые и «хорошие» законы, подлежащие учреждения и даже высшие власти склонны были удовлетвориться гораздо более скромными результатами. Признавалось достаточным собрать и свести воедино хотя бы только существующие правила, не задумываясь, пока что над их усовершенствованием. Такая чистка накопившегося материала сама по себе сулила много экономии труда для исполнителей закона и облегчала контроль над ними. Такой оборот дело обыкновенно принимало как-то само собой, незаметно, когда подлежащая комиссия убеждалась в своей неспособности создать что-либо новое; однако оба эти задания, — сочинение новых законов и систематизация старых, с полной отчетливостью не обособлялись. На этот второй путь вышла с течением времени и Александровская комиссия, во второй период своего существования, после 1812 года. Ее усилия были направлены преимущественно к собиранию исторических материалов, которые отчасти приводились в порядок и в результате должны были дать систематический свод действующих законов. Эта работа не была доведена до конца, но все-таки она была значительно подвинута вперед. Архив комиссии обогащался копиями с прежних законов, а сортировка их по рубрикам и общим схемам, в зависимости от содержания, производилась в связи с изготовлением и печатанием «Систематического свода».

Итак, на протяжении XVIII и первой четверти XIX века русской государственной власти не удалось довести до конца процесс кодификации права. Болезненное состояние неупорядоченности законодательства, приводящее на практике к очень тяжелым и неблагоприятным последствиям, известно истории права всех народов, и единственным выходом из такого положения является приведение в систему имеющегося материала и его очистка. Эта операция особенно затруднительна, но и особенно необходи-

ма в области законов гражданских, ибо здесь обыкновенно наблюдается наибольшее нагромождение разновременных и несогласных между собой норм.

Законы публичного порядка, определяющие устройство и деятельность государственных учреждений, в этом отношении представляют меньшие трудности. Во-первых, они проще, не содержат такого количества общих принципов и более конкретны; во-вторых, они силою вещей всегда в большом порядке, ибо самая жизнь учреждений требует его и вне его не может поддерживаться; наконец, они слагаются из менее древних и разнородных элементов, так как текущая государственная работа нуждается в том, чтобы учреждения, хоть как-нибудь, да функционировали. В конечном итоге, каждое учреждение создает для себя некоторую практику и ею руководится, и эта практика само собой приобретает определенные очертания. А главное — процесс обновления законодательства происходит быстрее и освобождает действующее право от слишком обветшавших элементов.

Кодификация русского законодательства при Алексее Михайловиче, издание Уложения 1649 года, в значительной мере очистило действовавшее право от более древних наслоений. То, что было старше Уложения, относилось уже к области истории, при практическом применении указы, до этого времени изданные, роли не играли. Но после царя Алексея произошли большие события; были и Петр, и Екатерина, Москва сменилась Петербургом, течение времени внесло много нового в социальные процессы, заимствованные извне идеи стали приносить плоды, и кодификация 1649 года быстро оказалась отставшей. Законодательство Петра в области уголовного права почти ни в чем, если не считать случайных указов, впоследствии не было обновлено, а в существе своем оно даже не было рассчитано на обывательскую жизнь и касалось лиц военного звания. О кодификации в области процессуальной почти вовсе не задумывались.

Император Николай твердо решил покончить с хао-

тическим состоянием действующего законодательства, которое он застал. Действительно, в огромном количестве всякого рода законодательных актов, изданных после Уложения 1649 года, никто не мог разобраться собственными силами; невозможно было установить, сохраняет ли силу такой-то указ вообще или в какой-либо части, чем он заменен, и каково его соотношение с другими. Официального сборника законов не имелось даже и в присутственных местах. «Я не знаю, — писал Сперанский в своем трактате 1803 года (об устройстве судебных мест), — известно ли правительству, что в Сенате нет книг законных и что во всех губерниях судьба людей и имущества решается по письменным тетрадам, содержащим в себе безобразные и неверные выписки законов». Потом появились некоторые частные печатные издания, но и они были далеки от совершенства.

Естественно, что при таком порядке открывался самый широкий простор для злоупотреблений; суд мог игнорировать действующий указ, или наоборот, применять отмененный по своему произволу, и трудно было контролировать его действия или установить виновность подкупленных и пристрастных судей. Такое состояние следовало устранить во что бы то ни стало, и понятно, что Николай, всегда обращавший внимание на внешний порядок, в глубине души не мог не согласиться с правильностью тех выражений, которые он слышал от декабристов; энергично, по-военному занялся он приведением законов в некоторую систему.

Для такого дела имя Сперанского подсказывалось само собой. Сперанский принялся за организацию кодификационных работ со свойственной ему энергией. Уже в начале января 1826 года он представил императору свой план, который в коротких чертах сводился к следующему. Комиссию законов следовало, как он думал, заменить другим учреждением, при Государственном Совете, с тем чтобы оно изготовило сборники трех родов: полное собрание законов в хронологическом порядке, изложение

действующих по хозяйственной и полицейской частям законов, в виде «сводов», то есть в систематическом порядке, и изложение законов судебных (т.е. гражданских, уголовных и судопроизводственных) в четырех видах: свода, уложения, учебной книги и «изъяснения» (комментария). Таким образом, он возвращался к мысли составить новые по своему содержанию памятники для этой последней области права. Уложение он определял как систематическое изложение законов, так устроенное, чтобы законы общие предшествовали частным, и законы предыдущие приуготовляли точный смысл и разум последующих, и чтобы все законы, по своду недостающие, дополнены были в уложении. В составе уложения он различал три рода статей: составленные из существующих законов, введенные вновь в виде дополнений и, наконец, содержащие перемену в действующем законе. Разработку сводов следовало поручить учреждению в целом его составе, а уложения отдельным лицам, для сохранения единства начал и слога.

Эти предположения Сперанского были несколько изменены Николаем. Для кодификации было создано новое, особенно приближенное к императору учреждение, а именно «Второе (по счету) Отделение» Собственной Его Императорского Величества Канцелярия. Этим подчеркивались важность работы и интерес монарха к ней. Далее было решено начать дело с составления только сводов, уложения же откладывались до более позднего времени.

31 декабря 1808 года состоялся указ об учреждении II Отделения, начальником которого был назначен профессор и первый ректор университета Михаил Андреевич Балугьянский, долгое время служивший в комиссии составления законов. Современники рисуют его как начитанного и благородного человека, но несколько сумбурного; императору он был лично известен, так как обучал его некоторым наукам, а со Сперанским он был знаком давно и был в хороших отношениях. Сперанский же,

хотя и считался главным руководителем всего дела и действительно был его хозяином, никакого официального титула не получил, вероятно, потому, что сам хотел оставаться в тени.

Занятия II Отделения начались в конце апреля 1826 года, и к этому времени Сперанским было изготовлено «Наставление» о порядке его деятельности. В этой инструкции намечались существенные черты будущих сводов. Они должны были выражать только действующее законодательство, с устранением всего отмененного, расположенное по системе, выработанной также Сперанским в виде оглавления по главным предметам. Из всех законов, начиная с Уложения 1649 года, делались выписки, причем в некоторых случаях дозволялось обобщать текст оригинала, если, например, закон общий был изложен в указе по частному делу; эти выписки располагались по установленной системе, и таким путем получался «свод исторический», а на основании его составлялся «свод догматический», в котором были собраны не все, а только действующие уже законы. Наряду с этим все обнаруженные в архивах, изданные после Уложения 1649 года законы, полностью и в хронологическом порядке подбирались для «Полного Собрания Законов». Оба памятника, Свод и Полное Собрание, дополняли друг друга; статьи первого должны были утверждаться ссылками на второе. Благодаря такому порядку являлась возможность достигнуть намеченной цели, то есть дать стройное изображение существующего законодательства, без всякой в нем перемены.

Работы II Отделения пошли быстро, уже к 1828 году был готов в числе прочего свод гражданских законов, и, представляя его императору, Сперанский снова возвращался к своей первоначальной мысли о необходимости составить новое уложение. «Сколько объем свода нашего обширен и полон, столько составные его части недостаточны и скудны», — писал он; в своде оказывались противоречия, неустранимые кодификационными приемами,

так как они имелись в самих законах, а на великое множество вопросов этот свод казуистических и, можно прибавить, не всегда удачных правил ответа не давал. Им следовало воспользоваться как основанием для составления уложения; Сперанский считал, не без преувеличенного оптимизма, что эту работу можно кончить в несколько месяцев и одновременно заняться составлением свода и уложения уголовных законов. Резолюция императора и ее мотивы остались неизвестными, но по ходу дальнейших работ видно, что с этим проектом он опять не согласился; позднейшая история II Отделения показывает, что сделал он так не по предубеждению против идеи уложения, а из желания скорее довести до конца хоть несколько упорядоченное собрание законов*.

Император Николай действительно интересовался Сводом Законов и входил в детали работ. Об этом свидетельствуют бесчисленные его распоряжения по очень второстепенным вопросам, возникавшим по мере работ, и замечания, которые он делал по собственному почину, в связи с проектами отдельных частей, представляемых ему на просмотр. Благодаря этому обстоятельству удалось устраи-

* Судя по некоторым оборотам речи, Сперанский руководствовался в своем плане кодификационными сборниками римского права эпохи Юстиниана. В более позднем и подробном описании составления свода, в «Обзрении исторических сведений о Своде Законов» он указывает на то, что II Отделение в точности следовало правилам, в свое время предложенным великим английским мыслителем и государственным человеком Бэконом. Можно думать, однако, что это не совсем так, и что сходство с правилами Бэкона он нашел уже позднее; они далеко не во всем сходятся с тем, что сказано в «Наставлении». Бекон, например, требовал гораздо большей точности воспроизведения в своде слов подлинника, чем сказано в «Наставлении». Идея «Свода», столь отчетливо сформулированная Сперанским, как видно из приведенного обзора истории кодификации, сама по себе не была новостью у нас. «Своды» изготовляли и раньше, комиссия составления законов ими также занималась и даже печатала «Систематические своды». Но Сперанский комиссию, отождествлявшуюся для него с Розенкампом, не любил и был к ней несправедлив. К резкому осуждению всех его работ надо относиться с недоверием.

нить трения с другими ведомствами, не всегда дружелюбно относившимися к упорядочению законодательства, и материальные трудности, связанные с печатанием кодификационных памятников. Особенно важна была поддержка императора, когда Свод, изготовленный во II Отделении, поступил на ревизию особых комитетов, образованных при разных министерствах для того, чтобы установить, все ли законы приведены в Своде, и нет ли в нем законов уже отмененных (1829 г. и начало 1830 г.). Ревизии никогда не дошли бы до конца, если бы министры не знали, что император лично следит за этим делом, а Николая они боялись.

Крайним сроком для внесения в Свод вновь издаваемых законов было принято начало 1832 года. Общая система расположения материалов по предметам и порядок главнейших подразделений (томов) были выработаны также самим Сперанским. Этот план сложился не сразу; принятая система доступна критике, но это можно сказать про всякую, и в конце концов его классификация не хуже других. Параллельно изготовлению сводов по разным частям законодательства производились работы по собиранию материалов для «Полного Собрания Законов» и печатанию этого огромного памятника. По основной его идее он должен был объединить в себе решительно все прежние узаконения, то есть правила, содержащие общие нормы. Конечно, этой задачи не удалось разрешить с полной точностью; некоторые акты в нем были пропущены сознательно, как не подлежащие оглашению, другие, потому что их не сразу заметили, и они появились уже в дополнительных томах. Наконец, некоторые указы так и остались неизвестными составителям Полного Собрания и разысканы лишь позднейшими исследователями истории права. Но нельзя утверждать, что Полное Собрание настолько страдает пробелами, что правильнее было бы называть его «неполным». Это утверждение в таком объеме неверно и покоится на поверхностном сличении описаний некоторых архивов (например, Сематского), с заголовками номеров Полного Собрания. Если же заглянуть в

содержание актов, не воспроизведенных в Полном Собрании, то нетрудно убедиться, что им там и действительно не место, — они содержат распоряжения и приказы по конкретным случаям. В задачи составителей этого памятника отнюдь не входила перепечатка архивов. Пропуски практического значения почти не имели, ибо все действующие узаконения были замечены, если не II Отделением, то при ревизиях, и попали в Полное Собрание, а указы, всеми забытые, очевидно не применялись.

В 1832 году можно было приступить к печатанию свода законов, к началу 1833 года оно закончилось, и свод был передан в Государственный совет на утверждение. Совету, собственно говоря, надлежало разрешать только один вопрос, — какую силу признавать за сводом. Иными словами, требовалось установить, имеют ли статьи свода силу: независимо от того, соответствует ли их текст тем прежним законам, из которых он заимствован, или же напротив, не следует ли сохранить за этими прежними законами всю их силу, а свод рассматривать только как пособие, как некоторый путеводитель по лабиринту старого законодательства. Этот вопрос возникал уже во время кодификационных работ и возбуждал сомнения.

Сперанский все время оставался сторонником новых «уложений» и смотрел на свод как на переходную ступень к ним. Он допускал, что некоторое, и притом короткое время, свод может иметь обязательную силу, не устраняя, однако, силы его источников.

Балугьянский, воспроизводивший, вероятно, взгляды рядовых работников II Отделения, допускал признания за статьями свода обязательного значения, но также высказывался за сохранение силы источников, с тем, чтобы в сомнительных случаях можно было обращаться к ним для разъяснения текста свода и пополнения его пробелов. О замене свода уложениями и притом в скором времени он определенных предположений не выставлял.

Чиновники, принимавшие непосредственное участие в работах, очевидно, высказывались осторожно по

этому предмету, зная, что неточностей и пробелов не удалось избежать. Поэтому они допускали возможность такой странной комбинации, как параллельное существование двух текстов одного и того же закона, кодифицированного и некодифицированного.

Комитет при министерстве юстиции, обсуждавший проект свода, предлагал рассматривать свод только как руководство для приискания законов; в существе с этим соглашался и министр юстиции (Дашков), но, зная увлечение императора делом, которое он считал «своим», и предугадывая его мысль, предлагал отсрочить введение в действие свода на два года, с тем чтобы за это время еще раз его проверить и затем уже окончательно ввести в действие как единственно обязательное изложение законов.

Император же был принципиальным сторонником немедленного введения в действие свода как положительного закона, однако без прямой отмены прежних законов, которые могут таким образом сохранить значение материала для пояснения статей свода. Эти разногласия и колебания в сильной степени отразились на дальнейшей судьбе всего предприятия.

19 января [1833 г.] состоялось торжественное заседание Государственного совета под личным председательством императора; на столе были разложены Полное Собрание законов, с указателями и дополнениями, всего 56 томов огромного размера и 15 томов свода законов, а история его составления была объяснена в особой пространный записке, написанной лично Сперанским.

Николай произнес длинную речь, в которой объяснял сущность дела, а затем совету было предложено на выбор четыре комбинации вопросов, сформулированных довольно-таки запутанно. Сущность их сводилась к следующим предположениям: 1) решать ли исключительно по своду; 2) решать ли по своду, но с правом, в определенных случаях, обращаться к его источникам; 3) решать ли единственно по прежнему тексту законов, а свод рас-

считать как руководство к их приисканию и 4) наконец, признавать ли в течение некоторого определенного времени прежний текст законов основанием к решению, но в то же время постановить, чтобы вместе с ним в решениях приводились подлежащие статьи Свода?

Эти вопросы оживленно дебатировались в Совете, и, несмотря на пристрастие императора к делу, в которое он вложил так много интереса и внимания, там были высказаны и критические мнения. Но в конце концов Совет сошелся на решении, сформулированном опять-таки не вполне отчетливо: «...издать Свод в виде законов, коим в решениях исключительно руководствоваться должны», но для ознакомления присутственных мест с этой новой формой законов, «на обращение их в полную и исключительную силу, постановить двухгодичный срок» (1 января 1835 г.). Совет таким образом комбинировал I и IV предложения, ему предложенные, то есть близко подошел к предложению министра юстиции Дашкова. Соответственно с этим была намечена редакция резолютивной части мнения Государственного Совета: «Свод издать и разослать ныне же и объявить, что он содержит только действующие узаконения и получит исключительную силу закона с 1 января 1835 года».

Государь согласился с такой редакцией, за которую высказалось большинство членов Совета, а в резолюции, кроме того, пояснил, что Свод рассылается ныне же как положительный закон, но что до 1 января 1835 года отнюдь не следует в приговоры или определения вписывать, собственно, статьи Свода. Иначе говоря, до 1835 года все оставалось по-прежнему, а с 1 января 1835 года надлежало применять в присутственных местах единственно текст Свода. В соответствии с этим был сочинен и манифест об обнародовании Свода, где сказано, что Свод «имеет воспринять законную свою силу и действие с 1 января 1835 года», а эта сила с указанного срока должна состоять в том, что во всех случаях, когда полагаются ссылки на законы, должны быть указаны подлежащие статьи Свода.

Эти слова манифеста 31 января 1833 года, если взять их вне связи с приведенными здесь колебаниями и суждениями, как Сперанского и его сотрудников, так и Государственного Совета, открывают широкий простор для противоречивых толкований. Для лиц, писавших манифест, его основной смысл, конечно, был ясен, и действительно, его слова не противоречат тем суждениям, к которым, в конце концов, пришел Государственный Совет. Но в них многое не сказано. В манифесте упоминается вскользь Полное Собрание Законов. Но о его значении ничего прямо не постановлено; в 4 статье подчеркнуто, что «Свод законов ничего не изменяет в силе и действии их, но приводит их только в единообразие и порядок», однако этот тезис приурочен к правилу о порядке пояснения и дополнения неясности или недостатка закона, и этим ослабляется его общая сила. Говорится в нем о какой-то странной «законной силе» закона, и для выяснения этого оборота речи ничего в манифесте не найти. В какой же силе оставались прежние законы, теперь приведенные в единообразие?

Одним словом, редакция манифеста, гладкая и стройная, как все отделанное Сперанским, страдает большою недоговоренностью; этот ее недостаток, может быть, объясняется тем, что Сперанский, увлекаясь внешнею формой и думая только о впечатлении, какое манифест должен произвести на императора, забыл о тех, кому придется его применять. А между тем долгое время текст манифеста служил единственным источником для установления воли законодателя, ибо все прочие материалы, касающиеся утверждения Свода, оставались погребенными в архиве и недоступными для исследователя.

Потом, уже в 1860 годах, по частям были опубликованы некоторые отрывки из записок Сперанского, не раскрывавшие всей картины, обрывки общей цепи материалов неясные и поэтому только сбивавшие исследователей. К тому же, с изданием Свода, новые кодификационные работы прекратились, появлялись новые «издания» Свода Зако-

нов в полном объеме, 1842 и 1857 годов, и отдельных его частей, утвержденные в ином порядке, и по мысли как самих кодификаторов, так и высших государственных властей, имевшие совсем другое юридическое значение, чем «первое» издание, 1832 года. Однако и это различие кодификационных памятников не было формулировано при их публикации с достаточной определенностью в официальных актах, а между тем естественно было считать «второе» издание чем-то однородным «первому», и все памятники кодификации обсуждать по одним и тем же началам.

В результате этой недоговоренности в нашей юридической литературе до начала XX века происходили оживленные споры по такому основному предмету, как юридическая природа главного памятника нашего законодательства, по вопросу, который, казалось бы, не должен был оставлять никаких сомнений. Только благодаря кропотливым архивным изысканиям и сопоставлению огромного материала удалось воссоздать всю картину обсуждения и утверждения Свода и окончательно выяснить, что «первое» издание Свода есть «закон», что текст его имеет силу независимо от соответствия его источнику, а что значение позднейших кодификационных памятников («изданий» Свода или его частей), определяется иными началами. Но удалось это окончательно установить только без малого через сто лет после утверждения Свода, накануне крушения законодательства, в нем воплощенного.

Эти недоразумения очень характерны. Производилась огромная работа, преследовавшая определенную практическую цель, затрачивались большие усилия, а в последний момент, когда уже все было кончено, как-то осталось неясным, достигнута ли эта цель в самом деле, и были ли пригодны избранные средства. Самое важное осталось нерешенным, ответ откладывался, деревья закрывали лес, процесс канцелярской работы заслонял ее цель, и в конце концов не знали, что же именно удалось соорудить. Следствием такой недоговоренности и компромиссов в последнюю минуту оказалась неотчетливость окон-

чательного решения, боязнь с полной ясностью для всех высказать основную цель и смысл реформы. То, что произошло со Сводом, — пример не единичный в истории нашего законодательства и крупнейших реформ.

Утверждением проекта Свода Государственным Советом не завершались работы II Отделения. В промежуток времени между 1833 и 1835 годов, пока присутственные места знакомили с этим памятником, должна была происходить вторая проверка его посторонними ведомствами, так называемая, «негласная ревизия». Эта ревизия доставила немало хлопот чиновникам II Отделения и лично Сперанскому, который вынужден был отстаивать свое детище от личных нападков и выручать своих сотрудников из всяких затруднений. Пробелы и погрешности обнаруживались в достаточном количестве, при такой кропотливой и большой работе иначе и быть не могло; надлежало исправить текст значительного количества статей; к тому же накоплялось новое законодательство, не вошедшее в Свод и также вносившее в него перемены.

Поэтому было решено выпустить к 1 января 1835 года «Продолжение» Свода, в котором нашли себе место исправления и новые законодательные акты. Благодаря такой форме открывалась возможность «кодифицировать», то есть вводить в Свод текущее законодательство, и кодификация в этом смысле сделалась непрерывною. Этот порядок сохранился и впоследствии до самого конца императорского периода; два раза, в 1842 и 1857 годах, уже после смерти Сперанского, был издан заново весь Свод, в промежутках выпускались «Продолжения», или законченные издания отдельных томов, всегда по тем же основным правилам, которые были установлены Сперанским в 1826 году.

Таким путем его творение в обновленном виде сохранило практическое значение до последнего времени, разрастаясь постепенно как ком снега в лавину. Естественно поэтому, что это дело Сперанского всегда привлекало критическое внимание юристов, не только его современников, но и позднейших поколений. Критиковалось

оно с разных точек зрения и не всегда справедливо. Убожество содержания свода Законов, особенно в частях, касающихся гражданского и уголовного права, ни Сперанскому, ни другим участникам работ, ни Николаю I нельзя ставить в вину. Свод был только зеркалом, отражавшим жалкую картину.

Нельзя, далее, упрекать Сперанского и даже Николая за избранную ими методу приведения в порядок законодательного хаоса. Печально, что обстоятельства не позволили тогда же перечеркнуть многое из унаследованного законодательства и создать на его месте более богатое идеями и содержанием. Монументальным представляется Свод Законов только при созерцании корешков его переплета, при чтении очарование исчезает. От соединения во едино указы, бедные по мысли, изложенные бессвязно, подчас устаревшие, не выигранные в содержании, но без такой предварительной подготовки, какая была сделана, было бы невозможным приступить к построению законодательства будущего, тем более, что во времена составления свода у нас отсутствовали самые могущественные и надежные сотрудники законодателя — научная мысль и научная разработка исторического наследия. Император Николай был прав по существу, когда не увлекался оптимизмом Сперанского, не верил в скорое и успешное окончание уложения и сводил его творчество к более скромным задачам. Свод необходимо было сделать, без него не открывалось никакой надежды на радикальные перемены, на «уложения», о которых он мечтал, и за которые потом действительно, еще при Сперанском, принялись. Много было причин тому, что такие реформы оказались неосуществленными, но следовало начать именно с того, что было сделано. Беспомощность преемников, отсутствие творческих сил, общее направление внутренней политики, недоверчиво смотревшей на всякое обновление — все это не изъяны метода и приемов, избранных Сперанским.

Весь смысл свода заключался только в техническом усовершенствовании существовавшего законодательства,

поэтому работу Сперанского можно, как мне думается, критиковать только с технической стороны, то есть проверять, насколько ему удалось провести на деле правила, положенные им в основу кодификации. Такого критического исследования в полном объеме еще не сделано. Если же судить по тем данным, которые имеются, то следует признать, что во многих случаях, действительно, Свод не с математической точностью воспроизводил прежнее состояние. Редакционная обработка старинных указов и расположение их по новой системе внесло в обработанный текст такие оттенки, которых он в первоначальном своем виде не имел; устраняя до некоторой степени неясность законодательства, а вместе с тем воспрещая свободное толкование его судом и правительственными властями, Свод Законов этим самым приостановил развитие здоровых ростков практики, которые обнаруживались в иных, правда, немногих, институтах, и наоборот, сообщил новую жизнь таким правилам, которые обветшали и практикою игнорировались с полным основанием; наконец, текст статей свода далеко не всегда совпадал с источниками и содержал нередко то, чего в них не имеется. Все эти замечания во многом справедливы.

Исследованиями последнего времени установлено, что немалое количество статей свода Законов гражданских фактически заимствовано из иностранных кодексов и не оправдывается приведенными в них ссылками на источники; такое дополнение унаследованного от прежних веков законодательства было сделано сознательно и, несомненно, с целью обогатить необыкновенно тощее содержание нашего первого гражданского кодекса. Только благодаря таким насильственным дополнениям практика получила некоторую возможность справиться с более сложными вопросами, и можно пожалеть, что кодификаторы к этому приему прибегали сравнительно редко. В других случаях, как доказала ревизия свода, несовпадение между статьями и их источниками объясняется просто ошибками и недосмотром кодификаторов; кое-где их

исправили, кое-где они остались, в общем же особенного вреда они за собой не повлекли.

Однако все несомненные несовершенства Свода бледнеют перед тем огромным положительным результатом, который был достигнут его изданием. Свод устранил то вопиющее безобразное состояние нашего законодательства, когда тяжущиеся оказывались совершенно во власти неправосудия и ябеды, когда даже честный судья не мог себе уяснить правила, подлежащего применению, состояние, которое было на руку только для взяточников и мошенников. С издания Свода начинается новый период в истории нашего правового развития. Свод Законов есть первая в нашей истории серьезная попытка создать определенность правопорядка, основу всей гражданской жизни; он первый шаг к насаждению законности. Этого достаточно для того, чтобы искупить все его несовершенства.

Изданием Свода Законов не исчерпалась кодификационная деятельность Второго Отделения, или, что то же самое, — Сперанского. Такие же своды было предположено составить для законов местных, сохранивших свою силу на окраинах после включения их в состав империи. Местные законы отличались еще большею запутанностью, чем общие, ибо очень многое определялось там обычаем и судебной практикой, источниками по форме гораздо менее определенными, чем указы русской власти. К тому же о местных законах никто в Петербурге не имел ясного представления, предшественники II Отделения с кодификацией их не совладали и даже не оставили после себя сколько-нибудь пригодных подготовительных материалов.

Работу приходилось начинать с двух наиболее разработанных систем местного законодательства — права губерний малороссийских и «западных», то есть областей, присоединенных от Польши (Белоруссии и Литвы), и права губерний остзейских. К систематизации их был применен несколько иной порядок, чем при Своде Законов Империи, а именно, составление первоначальных проектов

было поручено отдельным лицам, знатокам соответствующих правовых систем. Для работ по Западному Своду был приглашен профессор Киевского (а раньше Виленского) университета Игнатий Николаевич Данилович, для Остзейского — лифляндский ландрат Самсон фон Гиммельштиерн. Их работы затем обсуждались во II Отделении, и в этом принимал личное участие Сперанский. Оба памятника не были закончены при его жизни. Западный Свод даже вообще не получил окончательной санкции, ибо по соображениям политическим было признано желательным совсем отменить остатки литовско-польского права (указ 25 июня 1840 г.), а обработка проекта Самсона затянулась; первые две части были обнародованы в 1845 году, третья — лишь в 1864 году. Но обе работы были поставлены на рельсы при Сперанском. Кроме того, как выше уже указано, продолжалась кодификация новейшего законодательства, включаемого в Свод Законов.

Естественно, что учреждение, зарекомендовавшее себя в глазах монарха столь успешным выполнением его намерений и возглавляемое таким авторитетным сановником, как Сперанский, пользовалось особым доверием Николая и в законодательной жизни империи играло видную роль. Оно привлекалось ко всем сколько-нибудь крупным законодательным работам юридического характера, и его голос имел большой вес. Сперанскому было поручено, например, составление проекта Уложения о наказаниях, кодекса, с которого приступили к сочинению новых «уложений» из серий, задуманных Сперанским; почти все дела, обсуждавшиеся в Государственном Совете и других законосовещательных коллегиях также не проходили мимо II Отделения.

Благодаря своему влиянию Сперанский мог придать этому учреждению просвещенный характер и привлечь в состав его ученые силы. Этот отпечаток оно сохранило и впоследствии; в печальной и серой истории высших государственных установлений за время Николая I деятельность II Отделения представляется, однако, из не-

многих светлых страниц. Оно вносило некоторый луч научной мысли, академический и, может быть, подчас даже отвлеченный оттенок в движение законодательных дел. Через II Отделение узнавал Государственный Совет о постановке данного предмета в западных законодательствах, о научных взглядах, по поводу их высказанных, в суждениях II Отделения он мог найти опору для своих попыток подойти к делу с правовой точки зрения. Оно располагало обширной библиотекой, о пополнении которой заботились, и по делопроизводству видно, что эти книжные богатства не оставались мертвым балластом.

Можно утверждать, что II Отделение для высших властей империи являлось разумным и просвещенным юрисконсультom, и своими работами восполняло, насколько возможно, отсутствие науки права, в то время находившейся еще в зачаточном состоянии. Такая постановка дела придана ему именно Сперанским.

Он интересовался поднятием уровня нашего юридического образования. При его содействии — почин, вероятно, исходит от Балугьянского — были командированы (в 1829 г.) в Петербургский университет некоторые питомцы духовных академий для приобретения элементарных юридических познаний, затем они работали во II Отделении, для ознакомления с действующим законодательством и, наконец, были посланы в Берлинский университет для усовершенствования своих сведений. Этим способом Сперанский рассчитывал устранить недостаток в преподавательских силах, а, кроме того, обеспечить составление двух учебных книг, одну для учителей, а другую для учащихся. Как выше уже отмечено, такое руководство он считал полезным сочинить одновременно с изданием сводов и уложений, от этой мысли он не отказался и потом и предполагал это предприятие осуществить во II Отделении, но для него были нужны люди, а их-то и не было. Наученный опытом и ознакомившийся с трудностями юриспруденции, Сперанский сделался осторожнее и пошел более верным, хотя и окольным путем, подготов-

ляя ученых действительно пригодных для такой работы, а не приступая к ней с силами, которыми он мог располагать в лице чиновников своего ведомства.

Его планы шли, по-видимому, еще и дальше. Есть основание предполагать, что во II Отделении работали над двумя историко-юридическими изданиями, построенными на научных началах, а именно, над историей российского законодательства, из которой 23 главы за период времени с 1649 по 1767 год были даже изготовлены, и, кроме того, над собранием «Древних узаконений Российской Империи», план которого был выработан едва ли не самим Сперанским. В это собрание должны были войти юридические памятники за время, предшествующее Уложению, по-видимому, начиная с глубокой древности; к этому предприятию привлекались знатоки древностей (например, Строев) и ученые учреждения (Академия наук). В обоих трудах должны были участвовать и молодые ученые; потом обстоятельства сложились иначе, издания заглохли, и продолжение работ было предоставлено частной инициативе этих ученых. Вероятно, классическое исследование Неволлина об истории гражданских законов стоит в связи с этими начинаниями. Учебные книги и руководства остались также не написанными, но идея сочинения их казенными силами, идея теперь представляющаяся странною, является свидетельством просвещенного взгляда руководителя II Отделения на цели этого учреждения и необходимости насадить у нас начатки юридической науки.

Судьба молодых ученых лично интересовала Сперанского. По поводу этой экспедиции в Пруссию Сперанский вошел в сношения с Александром Гумбольдтом и великим юристом того времени Савиньи. Он обратился к последнему с просьбой взять на себя руководство и наблюдение за занятиями командированных, но Савиньи отказался от этого и предложил вместо себя своего ученика, небызвестного историка права Рудорфа. Сперанский следил за работами молодых людей, и некоторые письма к ним свидетельствуют о гуманном и очень добродушном —

совсем не в духе тогдашней эпохи — отношении его к их слабостям, столкновениям и просьбам. Многие из посланных за границу молодых людей (Неволин, Никита Крылов, питомец дерптского университета, Редкин и др.) прославились на научном поприще.

Сперанским же написан первый устав Училища Правоведения, которое должно было подготавливать молодых людей к практической судебной деятельности, и, несомненно, что участие Сперанского облегчило реализацию этих попыток насаждения юридической науки в России.

К Сперанскому император Николай охотно обращался и с отдельными поручениями, как к человеку наиболее способному разобраться в сложных законодательных вопросах. Темы этих поручений не были политическими, и, на первый взгляд, некоторые этого рода дела представляются теперь имеющими очень второстепенное значение. Так, например, ему было поручено председательствовать в комитете, назначенном для составления уставов вексельного и о торговой несостоятельности, и учреждения коммерческих судов. В то время этот вопрос имел гораздо более серьезное значение, чем может показаться теперь, ибо в нашем законодательстве по этим предметам был сплошной пробел, а интересы торгового оборота и финансового хозяйства настоятельно требовали его пополнения.

Работа казалась настолько трудною и ответственною, что к ее выполнению был призван Сперанский в качестве первого светила по юридической части. То же самое можно сказать и про работы над рекрутским уставом. Затем Сперанский лично имел большое значение в делах Государственного Совета; все важнейшие дела по департаменту законов проходили через его руки, и в делопроизводстве Департамента определенно чувствуется его влияние. Можно сказать, что семена канцелярского искусства, посеянные им в начале своей карьеры, принесли плоды к этому второму периоду его деятельности, и что при Нико-

лае его школа одержала верх и укоренилась. Образцовые порядки канцелярии Совета, Государственной Канцелярии были созданы его учениками и под его непосредственным воздействием.

Но, конечно, все эти работы по размаху и широте замыслов нельзя сравнивать с его записками начала века; хорошим примером того, насколько и сам Сперанский на склоне лет, даже в области текущего законодательства, при Николае уклонился от первоначальной своей линии, может служить составленный при его участии проект устройства Петербургской полиции (1838 г.), который провалился в Государственном Совете не почему-либо иному, а потому что Совет заметил: «1) что по содержанию проектированного положения не полиция учреждается для жителей столицы, а напротив, жители предполагаются как бы существующими для полиции и 2) что оно заключает в себе зародыш к бесконечным притязаниям и притеснениям со стороны полицейских агентов всех степеней. Без основательных причин Совет Николаевской эпохи не мог бы так выразиться.

Ввиду авторитетного положения, занимаемого Сперанским, к нему обращались за советом и консультациями другие сановники. Так, последнюю его запискою было обширное заключение о проекте фиксирования курса ассигнаций, то есть девальвации, задуманной и осуществленной министром финансов Канкриным. Это обширное его произведение, составленное по просьбе Канкринина, было закончено Сперанским всего за несколько дней до его смерти.

XI. Последние годы

Итак, с первого же дня царствования Николая I до своей кончины, в течение 13 лет, Сперанский был близким сотрудником преемника Александра I, если сравнивать его государственное и служебное влияние в эти два периода его жизни, то не следует упускать из виду историческую обстановку этих эпох, в которой протекала его деятельность, и личные свойства монархов, с которыми он работал.

Потоком событий Александр I был выведен на первый план мировой истории. Борьба с Наполеоном озаряет своим блеском начало его царствования, а его фантазии в области внутренних реформ, не осуществленные на самом деле, но эффектные, скрытые в таинственном полумраке, и, казалось бы, такие близкие к осуществлению, захватывали внимание современников и позднейших поколений. Естественно, что и ближайший его сотрудник оказался в ярком освещении и что при такой эффектной обстановке его влияние представляется особенно заметным и сильным. Он казался главной пружиной во всех крупнейших предприятиях эпохи, все что происходило, приписывалось ему, да и в самом деле, на его долю приходилась обработка того, что в туманных очертаниях грезились императору. Влияние его сказывается и в крупных преобразованиях, и в замыслах, возникавших в связи с со-

бытиями второстепенными. Сперанский тогда был молод, был уверен в своих силах и в своей звезде, ему сопутствовала удача; он двигался в том русле, которое ему было указано Александром, но чувствовал себя свободным и не связанным и, до некоторой степени, мог воздействовать на его очертания. Сперанский часто видел императора, и их сношения для Александра были непринужденными, ибо для него Сперанский был «своим» человеком во всех отношениях.

К тому же, чего нельзя забывать, Александр и Сперанский были почти одних лет. При таких обстоятельствах Сперанскому легко было влиять на ход дел, не только крупнейших, ему прямо порученных, но и второстепенных, на назначения, отдельные просьбы и т.п., и для широкой публики это делало его особенно заметным. XVIII век с его придворными традициями и временщиками был близок к Александру; организация высшего управления еще только слагалась, компетенции и технический строй новых установлений еще не окрепли, и эти условия благоприятствовали соединению многих дел в руках одного доверенного лица, как это бывало при генерал-прокурорах. Характер Александра создавал благоприятную почву для внешней силы единого советника. С учреждениями, имеющими специальную компетенцию, император не особенно любил иметь дело и ими мало интересовался, он не хотел и не умел входить в их работу, а проводить через них интриги или вести через их посредство игру не всегда представлялось возможным. Для всего этого был удобнее один человек, главный приказчик, через которого проходило если и не все, то очень многое.

При Николае было иначе. Историческая обстановка была серая и будничная, ничто, по-видимому, не побуждало к немедленным энергичным и активным действиям, особенно же внутри страны. Казалось, что все можно оставить по старому без особенного ущерба, а в полете мысли и фантазии младший брат сильно уступал старшему. Охранение существующего представлялось Николаю I не

только желательным, но и необходимым; на реформы шел он скрепя сердце и отказался от этой мысли тотчас же, как нашел для этого благовидный предлог.

Для применения способностей и дарований его сотрудников открывалось очень небольшое поле действия, и задачи, им поставленные, ни трудностью, ни глубиной не отличались. На скучном фоне Николаевских времен для блестящих и ярких фигур не было места, да, правду сказать, кроме бездарностей императора никто и не окружал, — если не считать Сперанского, которого император получил в наследство от прежнего царствования. Но в силу этого последнего обстоятельства личные отношения между Сперанским и Николаем, даже после того, как устранились подозрения в его «либерализме», не были такие близкие и непринужденные, как отношения с Александром. Сперанский, может быть, располагал даже большим уважением младшего брата, чем каким пользовался со стороны своего первого благодетеля, но это уважение создавало большее расстояние между ним и монархом, который был моложе Сперанского на много лет. По этой одной причине влияние Сперанского на текущие государственные дела было менее интенсивно, чем раньше, и ослаблялось оно еще окрепшим при Николае строением государственного механизма и большею определенностью характера преемника Александра.

Николай считался с существовавшей организацией управления гораздо больше, чем его брат, и по общему правилу обыкновенно действовал через те органы, которые были предназначены для данного рода дел. Министры пользовались в его глазах большим доверием и весом, чем при Александре, игрой в интриги против них он не забавлялся. Он старался действовать по-военному, так, как полагается по артикулу, и обращался прямо к тому, кто по артикулу должен был делом ведать. Но все дела уже были распределены так или иначе по разным компетенциям, и в связи с этим отпадала необходимость в первом министре или главном деловом советнике, и таких у него во все

время его правления действительно и не было. Были савонники, к которым он прислушивался более, чем к другим, ему более симпатичные, чем другие, были отрасли управления, например, жандармское дело, которым он отводил особое внимание, но временщиков, каким был Аракчеев, при нем не бывало, и в них он не нуждался.

И у Сперанского при нем оказалась своя компетенция, определявшаяся теми предметами, которые были ему поручены. В этих пределах он пользовался большим влиянием, и через него проходили очень крупные вопросы. К его советам император прислушивался внимательно и расходился с ним обыкновенно только, когда планы Сперанского казались ему слишком широкими, и его здравый смысл, в котором ему нельзя отказать, подсказывал более скромное решение. Но таких случаев было очень немного — вопрос о «сводах» и «уложениях», пожалуй, самый крупный; Сперанский умел понимать то, что требовали изменившиеся условия, и с ними сообразовался.

В конце своей государственной деятельности Сперанский так же мало гонялся за официальными титулами и громкими званиями, как и в ее начале. При Александре он довольствовался неопределенным званием государственного секретаря, должностью, не сопряженною ни с какими преимуществами в служебной иерархии, вовсе не выдвинутою на видное место. При Николае он оставался членом Государственного Совета и на большее не притязал. Только в 1838 году, то есть за год до своей смерти, Сперанский был назначен председателем Департамента Законов Государственного Совета. Тогда у императора Николая была мысль назначить его Председателем Государственного Совета, вместо умершего Новосильцова, однако он этого намерения не осуществил; «боюсь, — сказал он барону Корфу, — что к нему не имели бы полной доверенности: он *мой редактор*, и потому его стали бы подозревать в пристрастии ко мне...» Думал ли Николай то, что сказал или нет, этого, конечно, не решить, но первое кажется более правдоподобным, ибо в эти годы решитель-

но никаких предубеждений против Сперанского у него не было, а напротив, он очень ценил его дарования.

Вместо Новосильцова был назначен граф Васильчиков (впоследствии пожалованный в князья), а на его место председателем Департамента Законов — Сперанский. Но других служебных наград Сперанский много получил при Николае — и чин действительного тайного советника, и ордена — до высшего, Андрея Первозванного с бриллиантовыми украшениями, включительно. К 1 января 1839 года он был пожалован в графы, отличие, которым ему недолго пришлось пользоваться. К гербу, который полагался ему по этому титулу, он присоединил девиз *in adversis sperat**, им же самим сочиненный.

О личном доверии и уважении Николая к Сперанскому свидетельствует одно особое поручение, ему данное, — преподавание законовведения наследнику престола. Образование самого Николая страдало значительными пробелами; к управлению обширной империей его никто не готовил, и в вопросах юридических он чувствовал себя особенно нетвердым. Поэтому он внимательно следил за обучением своего сына и к этому делу привлекал наиболее крупные, по его мнению, имена.

Общее руководство этим делом было доверено Жуковскому, экономические науки поручены министру финансов Канкрину, который имел репутацию большого знатока по этой части, а для юриспруденции самым подходящим преподавателем представлялся Сперанский. Он считался первым авторитетом в этой области; недаром именно им был составлен Свод Законов, и важнейшие законы проходили через его руки; этого одного было достаточно для того, чтобы обеспечить ему славу первого законоведа. Впрочем, в те времена трудно было бы найти среди профессиональных ученых подходящее лицо, и преподавательские силы университетов крупными деятелями науки не были представлены. В помощь Сперанско-

* В невзгодах надеется. — лат. — Прим. ред.

му был дан профессор Петербургского университета барон Врангель, на долю которого достались некоторые отделы гражданского права. Итак, на склоне лет Сперанскому неожиданно пришлось возвратиться к преподавательской работе, с которой началась его служебная карьера.

В первый раз Сперанский читал юридические лекции в 1834 году, когда ему поручено было приготовить наследника к присяге по случаю его совершеннолетия, но затем его юридические беседы с учеником возобновились 12 октября 1835 года и продолжались по 10 апреля 1837 года. Сперанский перед лекциями составлял конспекты и наброски, которые сохранились и в настоящее время напечатаны*. Насколько можно судить по ним, курс, им прочитанный, был обширный и охватывал преимущественно, но не исключительно государственное право. Излагался он по своеобразной системе, несомненно, не заимствованной ни откуда. В него были введены очень отвлеченные учения о нравственности и праве, общие рассуждения о главнейших институтах, где проводятся и краткие указания на иностранные образцы, затем наибольшее место отводится русскому законодательству. По некоторым крупным вопросам имеются исторические обзоры; преимущественно они касаются предметов, очень близко знакомых Сперанскому, например, истории Государственного Совета, Комитета министров, министерств и истории ассигнаций, которая излагалась Сперанским в связи с подлежащими отделами Свода Законов. Очень интересна история «права поземельной собственности и состояния крестьян», которая описывается в беседах гораздо подробнее, чем в записке, представленной в Комитет 6 декабря, и содержит большую разработку юридической стороны дела по действующему закону. Одним словом, если судить по сохранившимся наброскам, Сперанский в общем сумел справиться с порученной ему преподавательской задачей.

* Сборник Императорского Русского Исторического Общества, т. 30.

О многом говорится в его курсе, обо всем не слишком много, но достаточно для элементарного ознакомления; существенные институты русского законодательства описаны в основных чертах, без загромождения подробностями. Философская часть курса, изобилующая аналитическими решениями понятий и отвлеченными рассуждениями, может быть, оказалась и нелегкою для усвоения. Но многого и нельзя было требовать, особенно же если принять во внимание, что от тогдашней юридической литературы Сперанский никакой помощи получить не мог. По настоянию императора Сперанский обрабатывал свои наброски для печати, но закончить этого не успел. То, что было найдено в его бумагах в отделанном виде, было впоследствии, уже после его смерти, напечатано под заглавием «Руководство к познанию законов» (1845 г.).

Однако, если читать рассуждения Сперанского этой эпохи о разных формах государственного устройства, например, о «смешанной», то есть конституционной монархии, о преимуществах различных форм государственного устройства, о значении участия подданных в государственной власти, о свободе гражданской и политической, то невольно опять приходит мысль, что когда-то он писал нечто совершенно другое, даже прямо противоположное, и что с переменою времен переменились и его взгляды на эти предметы, если у него таковые имелись. Но в этом, как уже отмечалось неоднократно, приходится сомневаться.

Таким образом, последние тринадцать лет жизни Сперанского протекли в гораздо более спокойной и ровной обстановке, чем ее начало. Менее зыбкая придворная почва при Николае допускала большую уверенность в завтрашнем дне, не было резких скачков и переходов от мрака к тени, а для приложения сил оставался все-таки и некоторый простор. Если в истории его имя оказывается менее связанным с Николаем, чем с Александром, то происходит это главным образом потому, что для истории вся эпоха Николая менее интересна, чем время Александра I

и что не выдвигались на первый план захватывающие вопросы внутренней политики

Личная жизнь Сперанского этой эпохи сложилась также более благоприятно, чем в начале его карьеры. Светского образа жизни он не вел, и близкое знакомство ограничивалось только некоторыми дружескими домами и людьми, с которыми он видался в положенные для этого дни и часы. Больших приемов у него лично также не бывало, а по воскресеньям он собирал у себя нескольких знакомых. Бывал у него Пушкин, особенно часто в 1834 году, когда печаталась в типографии II Отделения «История Пугачевского бунта», бывали другие литераторы, Жуковский и Гнедич, ученые из числа петербургских профессоров, музыканты, одним словом, люди, интересные для хозяина не только по их служебному положению. Образ жизни его оставался деловым, как и раньше. Вставал он рано, сидел над делами, писал свои бумаги и записки, в определенные часы гулял или ездил верхом. Главной радостью его было то, что он мог не расставаться со своей дочерью Фроловой-Багреевой и заниматься своими внуками.

Пришлось ему для лечения болезней ездить за границу, в первый раз в 1830 году. Тогда он отправился в Карлсбад и Мариенбад, морем через Любек, и этот путь оставил у него самые тяжелые воспоминания. В этот раз он посетил крупнейшие прусские и саксонские города и был принят везде с подобающим почетом. За это время он познакомился со многими деятелями ученого и артистического мира. Вторично он ездил за границу в 1832 году, опять-таки с лечебной целью, и в этот раз уже сухим путем. Он объехал те же города, как и в 1830 году; но пробыл несколько дольше в Праге; это объясняется его интересом к западным славянам и желанием познакомиться с чешскими учеными (Ганкою, Шафариком и др.). Затем он посетил Берлин, где желал познакомиться с работами командированных туда студентов. Это обстоятельство предоставило ему случай беседовать с Савиньи, который, если верить его письму, остался очарованным знакомством со

Сперанским; должно, впрочем, отметить, что учения Савиньи об историческом развитии права и о вреде кодификации на Сперанского не производили впечатления.

Два раза ездил он на лето в свое имение Буромка Золотоношского уезда Полтавской губернии (1837 и 1838 гг.). Это имение было куплено Сперанским по настоянию его зятя Фролова-Багреева. Свои денежные дела Сперанский никогда не умел хорошо устраивать, даже несмотря на близкое знакомство с видными денежными дельцами, которые ему, конечно, могли помочь советами. Покупка Буромки, владения очень обширного и потребовавшего займа крупных денег, оказалась очень невыгодной; кроме убытка Сперанский от нее ничего не имел, если не считать того, что мог называть себя собственником 2 900 душ крестьян. Только субсидии со стороны монарха да жалованье позволяли ему сводить концы с концами, ибо высокое служебное положение требовало все-таки некоторого представительства; на покупку дома в Петербурге (по Сергиевской улице, дом Данаурова) Сперанскому в 1838 году заимообразно была отпущена необходимая сумма (240 000), но вскоре потом она с него была сложена.

Последние годы жизни Сперанский часто хворал. Усиленная работа и передряги ссылки подорвали его организм настолько, что ни правильный образ жизни, ни умеренность не могли восстановить его слабеющие силы. 16 октября 1838 года он занемог, но болезнь первое время казалась не особенно опасной, так что Сперанский ездил даже ко двору в Царское Село. После этой поездки болезненное его состояние ухудшилось настолько, что за жизнь его тревожились и близкие, и государь. Сперанский сам признавал серьезность положения и выразил желание приобщиться*. Свою болезнь он переносил со спокойным духом. Но в ноябре наступила перемена к лучшему, и он снова занялся делами. В декабре у него два раза был в гостях император, а на 1 января 1839 года в день пожалования

* Приобщиться (уст.) — причаститься. — *Прим. ред.*

графского титула собралась большая толпа поздравляющих. Но в феврале Сперанский снова простудился (7 числа), и на этот раз ему уже не было суждено оправиться. Болезнь длилась недолго, — 11 февраля 1839 года скончался граф Сперанский.

Похороны его отличались большою торжественностью. Его прах провожал император, двор и все сановники. В беседе, по случаю кончины Сперанского, с Корфом Николай с уважением и сердечностью отзывался о своем сотруднике и несомненно говорил искренно. Погребен Сперанский в Александро-Невской лавре, около могил Карамзина, Крылова, Гнедича. Его приятель, в свое время вместе с ним пострадавший и вместе с ним прощенный, Магницкий, вдохновился написать «Думу над гробом Сперанского». Произведение это не блещет талантом; несмотря на искренность чувства, в котором нет повода сомневаться, это похвальное слово преисполнено очень посредственного витийства и набора слов. Но по примеру барона Корфа во всех биографиях Сперанского из этого произведения выписываются начальные слова, в которых сказано действительно все то, что приходит на мысль при описании кончины Сперанского: «Около полувека тому назад воспитанник Владимирской семинарии, с несколькими рублевиками в кармане, с благословением сельского священника, отца своего, вошел трепетною ногою в ворота Александро-Невской лавры. И вот он, под раззолоченным балдахином погребальной колесницы, окруженный факелами и облаком кадильного фимиама, въезжает в те самые ворота — графом Сперанским, знатным и знаменитым сановником Империи...»

ХII. Общие замечания

Биография Сперанского сводится к описанию его государственной деятельности, к рассказу о его работах на этом поприще и об участии в исторических событиях. Его личная жизнь, напротив, кажется бледною; если бы не случилось с ним катастрофы в 1812 году, то в ней не найти ни одного эффектного эпизода. Его личная судьба представляется, на первый взгляд, только «успешным прохождением службы», отмечаемой в «формулярных о службе списках» чиновников, карьерою, правда, очень быструю, и даже, как принято говорить, «головокружительною», но в конце концов все-таки карьерою чиновника, и только. Его личная фигура рисуется не в ярких красках; не видно в нем ни борьбы страстей, ни увлечений, ни даже слабостей человеческих, в мере превосходящей обычный удел смертных. Умеренность же, самообладание, внутреннее душевное равновесие и тому подобные добродетели не поражают воображения и не приводят к тем драматическим эффектам, которые завлекают зрителя на исторической сцене, как и на всякой другой.

Однако если ближе всмотреться в душевный облик Сперанского, то нетрудно найти в нем замечательные черты, не бьющие в глаза, но очень своеобразные, особенно в той исторической обстановке, в которой ему приходилось действовать. В числе анекдотов о мелких событиях его

жизни имеется рассказ о том, как состоялось приглашение его на службу в секретари к князю Куракину. Рассказывают, что князь послал в Александро-Невскую семинарию своего дворецкого с поручением найти подходящего для этой службы молодого человека.

Дворецкий, наведя соответствующие справки, наметил двух кандидатов, Сперанского и еще одного, и велел им ехать с собой к князю. Дворецкий, как подобало слуге такого крупного вельможи, приехал в карете; когда он спустился к подъезду, то Сперанский хотел вскочить на запятки, не решаясь сесть в карету вместе со старшим лакеем князя. Этого эпизода, конечно, не было, но это могло быть. Ничего удивительного не было бы, если бы студенты семинарии или даже молодые преподаватели признали, что место им на запятках кареты, на большее они претендовать не смели. Их положение в обществе было более чем скромное, в глазах высших кругов общества начинающая ученая братия вообще, а духовная в особенности, никакого веса не имела; граница между положением домашнего секретаря из семинаристов и старшим лакеем проводилась случайно, а по существу и тот и другой относились к разряду прислуги. И вот тот самый юноша, который мог считать, что место его на запятках кареты, через несколько месяцев стал уже незаменимым человеком для Куракина, еще через несколько — уже оказался видным чиновником, а через несколько, и притом не много лет — уже вращался в кругах самых утонченных и образованных людей столицы, молодых вельмож, опытных сановников и даже бывал в обществе императора.

Никто не обучал его светскому лоску, никто не заботился о приобретении им всех необходимых для этого данных, вроде французского языка или изящных манер; напротив, сразу же оказалось, что Сперанский на своем месте в этом обществе, а по тонкости вкуса, по такту и умению себя держать в трудных для него обстоятельствах, даже превосходит тренированных и опытных людей. Правда, такие скачки из очень невысокого социального

положения в ряды служебной аристократии случались и раньше, но трудно найти другой пример такого естественного и гармоничного перехода. Сперанский сразу же оказался в высших сановниках и «дворских» кругах своим человеком и, что очень редко случалось, не отвернулся от той среды, из которой вышел.

Всю жизнь он поддерживал сердечные отношения со своей семьей, жившей в совершенно иных условиях, чем он, и никогда от нее не отрекался; с друзьями своих школьных лет, детьми той же скромной среды, из которой он вышел, он сохранял связи и старался им помогать и ими не гнушался, помнил своих учителей семинарских и даже очень простых людей, которые в свое время оказывали ему услуги. Во всех его отношениях этого рода нельзя найти каких-либо отталкивающих лиц или неприятных черт выскочки, а мало у кого бы не закружилась голова на той высоте, на которую его вынесла судьба. Правда, Сперанский никогда не был экспансивным, всегда был сдержанным, в тайники своей души доступа никому не открывал; его обхождение и манеры были ровные со всеми, но холодные, поэтому он казался неискренним и бездушным, однако чувство нравственного долга или природная утонченность уберегали его всегда от безвкусных и резких поступков в тех случаях, когда многие не выдержали бы испытания.

В эпоху, когда высокая должность почти всеми, даже очень родовитыми сановниками, рассматривалась как источник личного обогащения, путем ли попрошайничества или незаконных поборов, Сперанский в этом отношении всегда оставался совершенно чистым и незапятнанным. И это, по тем временам очень мало распространенное чувство денежной чистоплотности, не выставлялось им на показ; он не хвастался им, оповещая о своем бескорыстии всех и каждого, как это делал, например, Аракчеев. Отсутствие стяжательности было естественным свойством его души, другим Сперанский и быть не мог.

Нельзя найти в его поступках также проявления каких-либо диких черт, вроде жестокости, грубости, желания показать свою власть, на что были падки почти все деятели, вышедшие, как Сперанский, из низших слоев общества. Он не был воспитан в атмосфере рабовладельческого класса и с детства привык смотреть на всех, как на людей, независимо от юридической квалификации их прав состояния, и эта черта сохранялась им во всю его жизнь, когда и он сам сделался собственником рабов.

Нельзя, наконец, уловить в нем страсти к интриге, в которой склонны были упрекать его враги и соперники. Напротив, нельзя назвать ни одного случая, когда бы его деятельность носила такой характер и была бы направлена к созданию козней против своих врагов или конкурентов, стоявших ему на пути. А между тем все вокруг него только этим и занимались. И душевные свойства Александра I открывали этому широчайший простор.

Указанные черты, сами по себе взятые, выделяют Сперанского из ряда людей — государственных деятелей его эпохи. Они приближают его к последующим поколениям, рисуют его как человека по духу и складу, принадлежащего не к простым временам, а к эпохам грядущим. Сперанский совершенно понятен нам, он представляется для нас современным человеком, иначе говоря, он обогнал свой век намного лет не только своим умом, но и душевною культурою, удел лишь крупных личностей.

Его нельзя называть «временщиком» в том смысле, как употреблялось это слово применительно к деятелям XVIII века. Правда, понятие это не вполне определенное, «временщиками» называют очень разнообразных людей, по разным и преимущественно случайным причинам получившим преобладающее влияние на русских самодержцев XVIII века. Такого положения случайного любимца, необходимой принадлежности домашнего обихода монарха, он никогда не занимал. Его влияние было почти исключительно деловое; он значил много потому, что в его руках путем соединения отдельных ком-

петенций объединились многие разряды дел, и его участие в их решении объясняется тем, что он был тою законною инстанцією, которая именно и была призвана их рассматривать. Он был посредствующим звеном между монархом и многими государственными делами, первым, или, как его назвал один наблюдательный иностранец, единственным министром, но именно министром, а не приказчиком патриархального быта, который распоряжается имуществом хозяина, как главный доверенный, не всегда проводя различие между своей и хозяйственной пользой. Его влияние приобретало формы современные, публично правовые и европейские; и со своей стороны Сперанский делал все, чтобы за собою именно такое положение укрепить.

Сперанский не гонялся за внешними атрибутами власти, охотно держался в тени, реальное влияние предпочитая показной стороне. Это не значит, что он был лишен властолюбия, напротив. Все помыслы его были направлены на это, но власть он понимал не так, как его предшественники. Он стремился быть пружиною, приводящею в действие и направляющею государственный механизм, но пружиною сокровенною, известною только посвященным. Непосредственное властвование, командование людьми его не увлекало, даже, наоборот, тяготило.

В личные дела и дразги соперничающих сановников он мало вмешивался, и через него такие дела не шли; при Аракчееве было иначе. Если он подсказывал императору кандидатуру на должность, то обыкновенно потому, что данные дела поручались его надзору. Распоряжаться чужою судьбою как владыка он не любил. К непосредственному сотрудничеству он старался привлекать все одних и тех же лиц, с которыми привык работать, и не делал себе удовольствия из распоряжений ими по капризу. Они были ему нужны потому, что ему помогали, и от них он требовал только помощи. С подчиненными он обходился всегда ровно и вежливо, без диких окриков и грубостей, от которых не были свободны

даже выдающиеся люди его времени. В общем, его любил его сотрудники, особенно второй эпохи, и во II Отделении близкие к нему люди называли его «Божиим стариком». Но вместе с тем его побаивались, «ибо прогнеть его — значит уже лишиться уважения»; однако похвалы от него редко слышали, и всякую работу он принимал как должный урок.

Деятельность администратора в тесном смысле этого слова его тяготила, и от нее он старался укрыться в тишине своего кабинета; непосредственное управление всегда сопряжено поддержанием дисциплины, иначе говоря, с некоторым насилием над волею других людей, а иногда с причинением им неприятностей, а этого Сперанский не любил. По преимуществу он был кабинетным работником и увлекался такими делами, которые предполагали отвлеченное разрешение, выливавшееся в форму закона или другого общего распоряжения. От непосредственных столкновений людских интересов, от их борьбы и схваток он старался быть в стороне. Он не обладал натурою вождя, который открыто и прямо принимает на себя и власть, и ответственность за нее; он стремился быть в самом центре государственного влияния и стоять около руля, но уклонялся от того, чтобы прямо взять его в руки и им управлять.

Исследователями его деятельности уже отмечено, и, как мне кажется, с полным основанием, что самостоятельных политических идей у него не было. Действительно, в его политическом миросозерцании нельзя найти таких принципов, которые составляли бы его политическую сущность, вразрез с которыми он не мог бы идти, даже если бы того желал. Такое отсутствие самостоятельности чувствуется даже в первый период его влияния, когда Сперанского принято изображать как фигуру цельную, не сломленную еще житейскими бурями. Конституционные идеи, которые проводятся им в его планах, были предуказаны свыше. Он работал по заказу, и ему принадлежит только отделка и разработка. В этих пределах он внес не-

мало и своего, однако, только в этих пределах; не он ставил на очередь вопросы о политической свободе, о необходимости преобразований устройства империи в широком объеме.

В этом отношении, как мне кажется, ссылка не произвела никаких перемен. Нельзя утверждать, что она сломила его или, напротив, всякий раз, как к нему обращались уже после возвращения, он проявлял обычную свою энергию и способность к работе, его личное творчество только совершенствовалось. Способности интеллектуальные бесспорно не ослабели, и я лично не могу уловить серьезной перемены в его моральных силах. До ссылки ему не приходилось испытывать разочарований, ибо он шел вместе с течением, — так сложились обстоятельства; не было случаев для внутренней борьбы, и нельзя найти примеров проявления Сперанским какой-либо принципиальности или нежелания поступиться своими убеждениями. Так было и впоследствии — не видно случаев (кроме процесса декабристов), когда поручения императора вызывали бы в нем внутреннюю борьбу, не говоря уже об отказе их исполнять.

В характеристике Сперанского, данной его биографом и искренним поклонником бароном Корфом, имеется одно замечание, брошенное по другому поводу, но, как мне кажется, лучше изображающее его сущность, чем многие слова: «...натура его, подобно паровой машине, одинаково пригодной для всех целей, работала усердно и послушно над всем, над чем приходилось по течению дел». Барон Корф имел ввиду сказать, что Сперанский мог себя заставлять сделать все, что хотел, и свою волю-натуру заставлял подчиняться себе во всех отношениях. Но, в сущности, он был машиною не только для своей воли, но и в чужих руках, и работал безразлично над всем, к чему его приставляли, именно подобно паровой машине, успешно и с безразличием. Поэтому, кажется мне, представляется мало продуктивным изучать политическое миросозерцание Сперанского как самостоятельную тему.

Оно быстро менялось, ибо не имело определенного содержания. Оно отражало в себе разные черты в зависимости от условий момента.

Если судить по его запискам, в начале царствования Александра его идеалы приближались к английским образцам, впоследствии — к французским, миросозерцание делалось то более, то менее либеральным, и нельзя обнаружить достаточных оснований, оправдывающих внутреннюю и искреннюю его эволюцию. Может быть, кто знает, и в начале царствования Александра, на апогее своего влияния, Сперанский в глубине души с недоверием относился к тем планам, которые излагал в своих политических трактатах. Намеки на это имеются в свидетельствах этой эпохи, а позднее он с откровенностью осуждал свои собственные «увлечения» и в разговорах с другом своим Лубяновским (в Пензе, на обратном пути из Сибири) и в письмах к Кочубею (из Сибири).

Трудно согласиться с неоднократно высказанным мнением, что Сперанский подобно Александру и его сподвижникам по Негласному Комитету «не знал России» и в своих конституционных увлечениях не сообразовался с действительностью. Император и его друзья действительно стояли далеко от жизни по молодости, по воспитанию и по тому высокому положению, которое отделяло их от обычной житейской обстановки. Но семинарист, выросший в деревне, близко наблюдавший сельский быт, в Петербурге живший на гроши, испытывавший много материальных и других будничных забот, со всей этой обстановкой не мог не быть знаком. Этому же учила его и служба первых лет, когда в генерал-прокурорской канцелярии ему приходилось соприкасаться с делами, поступавшими со всех концов России. В этот период домашний и служебный обиход каждый день предостерегали его от увлечения идиллиями и буколическими картинками, вычитываемыми из французских книг.

Отдельные замечания, разбросанные в его записках, доказывают, что несовершенства существовавшего

стройка ему были ясны; Сперанский отдавал себе отчет в тех последствиях, к которым приводит такой порядок, и на что он обрекает государство. В этих частях своих работ он несомненно высказывал самостоятельные суждения, но предлагаемые им средства для устранения несовершенства в основном содержании, не его измышления. Его планы интересны не в том значении, как принято их оценивать; их следует рассматривать как попытки найти практическое среднее решение между действительностью и господствовавшими идеями, как попытки установить ту меру конституционного порядка, которая могла бы оказаться достаточной для врачевания болезни и со своей стороны не вносила бы в русскую жизнь элементов, до которых она еще не созрела. Недоговоренность, которой страдают его планы, может быть, есть следствие неуверенности в правильности избранного направления; поэтому и представляются они половинчатыми, не доведенными до конца, кажутся внешнею формою, лишенною содержания.

Как и все лучшие люди своего времени, Сперанский отлично сознавал, что крепостное право является помехою для всякого совершенствования государственного и общественного порядка. Уже в 1802 году он задумывался над мерами, необходимыми для его управления, и остался верен первоначальным своим мыслям всю жизнь; к ним вернулся он и в 1826 году, выдвигая их при такой обстановке, которая отнюдь не благоприятствовала прогрессивным начинаниям. В 1809 году не поднимался вопрос об освобождении крестьян; и мог ли Сперанский серьезно верить в возможность конституционного порядка и политической свободы, когда подавляющее количество населения империи состояло в рабстве? Мысль о преобразованиях его, несомненно, увлекала, и конечные его идеалы совпадали с теми заданиями, которые он получал от императора, но реального осуществления их он не мог ожидать и отчетливо представлял себе, что для осуществления их необходимы еще другие, менее яркие и крупные

перемены, делового, так сказать, характера, через которые следовало провести государственный порядок империи. Этим реформам, как наиболее неотложным, и было уделено его внимание.

Во все периоды государственной работы Сперанскому пришлось иметь дело преимущественно с проблемами правовыми. За ним еще при жизни укрепилась слава выдающегося юриста, и заслуги его перед историей правового развития России несомненны и очень велики. Он обладал многими данными, необходимыми для искусного применения методов юриспруденции. Его аналитический и последовательный ум легко разбирался в отвлеченных юридических понятиях; он быстро подмечал ошибки в чужих рассуждениях, овладевал сущностью вопросов и делал правильные выводы из общих положений. Первое время, когда главное внимание его поглощалось реформами государственного строя, ему больше всего встречались на пути коренные проблемы публичного права, и детальная юридическая отделка отступала на второй план.

Не следует, однако, думать, что Сперанский обладал сколько-нибудь серьезною научною подготовкою в этой области. В первый период своей карьеры он читал только то, что читали в то время все, то есть главным образом трактаты французских мыслителей, был поверхностно знаком с некоторыми английскими юридическими сочинениями, например Блекстона, русское же законодательство ему было известно только в пределах служебного опыта. Все сколько-нибудь детальные сведения доставлялись ему его сотрудниками, и по таким канцелярским материалам и справкам он создавал свои записки. Пока дело шло об очень отвлеченных предметах, еще кое-как можно было обходиться этими отрывками, тем более, что на помощь приходило некоторое чутье и огромное искусство придавать такому материалу литературную отделку. Но все эти приемы потерпели полное крушение, когда дело дошло до гражданского уложения, где требовались и серь-

езные познания, и юридическая школа. Начитанность, к тому же и не глубокая, во французской литературе XVIII века, проникнутой почти всецело идеями естественного права, не позволяла даже наметить какие-либо пути для пригодного разрешения сомнений, возникающих на почве русской действительности.

Впоследствии, во время работы над Сводом Законов, к этим темам юридических размышлений прибавились новые. При кодификации действующего законодательства Сперанскому пришлось иметь дело не с разработкой новых норм, не с политикой права, а с его догмой, с изучением и согласованием материала, уже готового. Тогда же он ознакомился с историей развития новейшего русского права, ибо кодификация по принятой для Свода Законов системе предполагала разработку именно исторического материала. Наибольшие трудности представляли отделы, Сперанскому наименее известные и привычные — законы гражданские. В этой области тогда оказывались беспомощными самые опытные «законоведцы», ибо согласование разновременных указов и извлечение из них хоть каких-нибудь общих начал было делом очень нелегким, а научной обработки этого материала еще не было. Сперанский, по-видимому, заинтересовался этой частью своего труда. Несомненно, он читал иностранные сочинения по гражданскому праву, познакомился с правом римским и новейшими западноевропейскими кодификациями (прусским и австрийским уложениями).

В бумагах его сохранились записки по предметам гражданского права, стоящие в связи с кодификацией, точнее сказать, с составлением X тома Свода Законов. По внешности своей они носят другой отпечаток, чем его юридические рассуждения первого периода. Они изобилуют ссылками на иностранные образцы, полны юридических терминов, заимствованных из иностранной литературы и упоминаемых кстати и не кстати; в них часто приводятся, не всегда у места, афоризмы и правила рим-

ского права. Несомненно, все эти сведения Сперанский почерпал из чтения книг и кодексов, ибо такого количества данных из канцелярских справок не извлечь. Чувствуется, что сведения эти — свежеприобретенные и что автор с излишнею щедростью расточает свои новые богатства. Но сказывается отсутствие привычки обходиться с ними, и, применяя эти понятия к русскому материалу, автор делает подчас выводы неожиданные и не оправдываемые последовательным логическим развитием.

Характерны в этом смысле, например, рассуждения Сперанского о праве собственности, изложенные в конспекте для II книги Свода Законов гражданских, который был написан как наставление для чиновников, работавших над этой частью Свода. На вопрос, кто имеет право собственности, дается следующий отчет: либо тот, кто приобрел вещь, никому не принадлежащую, — приобретение первообразное, либо тот, кто приобрел ее от первоначального приобретения последовательно посредством законных передач, — приобретение производное. «Назовем для краткости все доказательства его первоначального приобретения *первоначальным укреплением* (titulus), тогда сие укрепление будет составлять существо собственности. Сие понятие о праве собственности есть одно строгое, юридическое; все другие суть или ложные (в том числе и французского уложения) или поверхностные; отсюда смешение и споры между юристами нескончаемые».

Замечания Сперанского нашли точное выражение и в статьях закона (ст. 420, т. X Свода Законов их воспроизводит почти полностью) и доставили последующим поколениям юристов много головоломных затруднений. Пиетет некоторых исследователей нашего права перед мнениями Сперанского побуждал их искать в этих словах какой-то особый таинственный смысл, а между тем ведь очевидно, что «*доказательства* первоначального укрепления» не могут составлять «*существа* собственности» и его «*понятие*». Приобретение права

не есть сущность его, передача вещи не есть «собственность»*.

Кодификационные работы углубили с другой стороны позиции Сперанского в истории нашего права. Весьма вероятно, что при написании экскурсов в область истории крепостного права и поземельной собственности и других, Сперанский пользовался помощью чиновников II Отделения или «студентов законовещения», начинающих ученых, работы которых его близко интересовали, но как бы то ни было, окончательная обработка этих материалов несомненно принадлежит лично Сперанскому. Внутренняя связь между историческими свидетельствами и общие выводы продуманы им, и эта работа лишняя раз свидетельствует, как о его умении разбираться в новых для него, к тому же вовсе не простых вопросах, так и о понимании общего хода исторического процесса. Некоторые его замечания по истории прикрепления крестьян оказались правильными и разбираются авторитетными исследователями.

Наконец, преподавание законовещения наследнику престола послужило поводом к систематизации его общих воззрений на право. Все законы природы вещественной и

* То обстоятельство, что при некоторых условиях у собственника может не оказаться ни права пользования, ни распоряжения — основных элементов этого права, по-видимому, заставило Сперанского признать «укрепление» самым существенным признаком этого правоотношения. Но «укрепление» остается пустым звуком, если не определено то, что именно укрепляется. Всякое право «укрепляется» за кем-либо, всегда создается связь между лицом, субъектом права и самим правом, иначе говоря, всякое право «возникает», и этим ни один вид отношений от других не отличается; как критерий отграничения понятия собственности от других этот признак не пригоден. Примирение отвлеченного понятия собственности с теми конкретными комбинациями, когда у его субъекта могут отсутствовать существенные элементы абстрактного типа, доставляет много затруднений юриспруденции и до сих пор, но такой легкий выход, какой предсказала Сперанскому его слабая школа, не находил защитников в науке ни до Сперанского, ни после. Примеры такого рода поспешных заключений можно найти и в других цивилистических рассуждениях Сперанского.

духовной исходят от Бога; основа правового союза есть нравственное чувство, без которого человек не мог выйти из рук Творца. Из общежития вытекают укрепление и усовершенствование правды; нижняя ее степень есть правда общежительная, справедливость, а высшая — правда верховная, совершенная. Слагается общежитие путем образования союзов, семейного, родового, общественного и государственного, и на этих союзах покоится право. Из этих общих положений выводятся все частности.

Произведения пера Сперанского самого различного содержания и различных эпох имеют совершенно определенный отпечаток. Они представляются тем, что можно назвать рассуждениями, логическим развитием мысли. Даже в частях, посвященных описаниям, как, например, проектам устройства каких-либо государственных установлений, преобладает такой характер. Автор прежде всего излагает сущность основной своей мысли и положения, которые ее подтверждают, а затем доказывает их различными аргументами. Поскольку дело касается отвлеченных понятий, они анализируются, и отдельные их элементы, в свою очередь, приводятся в связь с основной нитью всего рассуждения. Таким образом, читателю сразу же становится ясным, что хочет доказать автор и далее — каким логическим путем он доказывает свою тему. Благодаря аналитическому расчленению тех понятий, с которыми читателю приходится встречаться, они приобретают конкретные очертания и становятся более доступными для непривычных к ним; при таком расчленении эти понятия могут быть поясняемы более конкретными, всем известными фактическими данными.

Например, в первом отделении введения к уложению государственных законов прежде всего выясняется план уложения; для этого, как там отмечено, необходимо составить себе понятие вообще о законах государственных. Следовательно, прежде всего надо выяснить общий предмет их, затем главное разделение законов. Сперанский подразделяет их на государственные и гражданские,

а государственные — на преходящие и коренные. После этого рассматриваются свойства государственных коренных законов, затем их предмет. В связи с этим выдвигаются основные начала государственной власти «силы»: законодательная, исполнительная и судная, и описывается положение державной власти и возможные комбинации отношения ее к подданным. Таким путем выясняется основной объем гражданских и политических прав подданных и намечается ход дальнейшего рассуждения.

В тех случаях, когда необходимо доказать создание чего-либо нового взамен существующего, то есть когда надобно осветить предмет с исторической точки зрения, экскурсам в область прошлого отводится не слишком большое место. Они имеют служебное значение и содержат только основные вехи развития подлежащего установления; итог развития подсказывается сам в результате такого обзора, и из него вытекают так же естественно выводы о тех или других несовершенствах. Этим дается критика существующего порядка, а предполагаемый взамен его строится на основании тех мыслей, какие подсказываются предыдущим обзором, и общих соображений существа дела, доказываемых самостоятельно, подобающими аргументами.

Рассуждения, построенные по такой схеме, читаются очень легко; в них мало загадок для ума читателя, напротив, попадая в русло построения, мысль скользит по всем трудностям вопроса, искусно проводится через все Сциллы и Харибды и невольно пленяется стройностью и последовательностью аргументации. Для того чтобы ее опровергнуть, необходимо либо опрокинуть основные положения, из которых делаются выводы, а это не всегда просто сделать, так как эти положения, заимствованные из распространенных идей времени, убедительны и ясны сами собой, либо надо разрушать постройку камень за камнем, что опять-таки предполагает большое напряжение критической мысли. Недаром писания Сперанского рассматривались как образцы «неумолимой» логики и производили неотразимое впечатление на всех сочувство-

вавших их основным тенденциям, или на незаинтересованных в ином разрешении затронутых в них вопросах, чем то, которое предлагается Сперанским. Искусство излагать свои мысли в такой простой и ясной форме и легкость, с которой Сперанский изготовлял такого рода рассуждения, являются, конечно, прежде всего, свойствами его таланта; они сопутствовали Сперанскому с первых же его шагов. Он в совершенстве владел этими приемами, прибегал к ним, не задумываясь, именно потому, что все вопросы, которые он себе ставил, естественно облекались в такие ясные формы, и ему оставалось только записывать то, что само собой разворачивалось перед его умственным взором.

Но, кроме того, эти природные дарования были развиты им опять-таки с ранних лет, благодаря той школе, которую он прошел и благодаря поучению, которое он извлек из самостоятельного чтения.

Питомцы семинарии изучали, конечно, прежде всего предметы, необходимые для будущих священнослужителей, то есть богословские науки в широком смысле этого термина. Наряду с последними большое место отводилось в семинарской науке логическим и диалектическим упражнениям. Семинаристы обучались, с успехом иногда, а чаще без такового, — искусству облекать всякие темы в формы логической доказательности. Им указывались внешние приемы, необходимые для таких результатов, а это было возможно только на почве обстоятельного изучения теории логики и ее методов. Таким путем воспитывались будущие полемисты и апологеты, диалектики, способные отстаивать основные богословские положения и способные парировать нападки, исходящие от противников веры вообще, или учений православной церкви в частности. Благодаря этому питомцы семинарии, добросовестно изучившие все тонкости таких построений, действительно приобретали некоторый навык распорядиться любым материалом и создавать из него убедительные по внешности построения.

Но, конечно, формальное искусство этого рода облегчало и крайности; оно приводило к умению опровергать то, что сам же автор доказывал как истину, проще говоря, доказывать то одно, то прямо ему противоположное, в зависимости от заданий и требований. Как бы то ни было, такое умение располагать материал по стройной схеме, умение его анализировать и классифицировать было драгоценным свойством и для людей, приставленных к канцелярскому труду высшего порядка, когда им приходилось иметь дело со сложными задачами и разбираться в обширных материалах. Такое направление преподавания было в полном соответствии с природными способностями Сперанского; в семинарии он больше всего и искреннее всего увлекался математикой, где для приложения его дарований в области формальной логики открывался широкий простор.

Так учили Сперанского во Владимирской семинарии, и тот же общий характер носило преподавание в Александро-Невской, где он мог усовершенствоваться в приобретенных им познаниях. Отзвуки такого же формального метода он мог найти и в философских предметах, излагавшихся также преимущественно по схоластическим методам. Но и при самостоятельном углублении в философскую литературу того времени Сперанский должен был встретиться с привычными ему приемами изложения и построения, осуществляемыми, правда, в более удачных формах и с большим вкусом, однако тем не менее по существу преисполненными тем же духом. XVIII век был эпохой «систем», даже в области естествознания, с которою Сперанскому пришлось соприкасаться во время преподавания физики. И в сочинениях по этим предметам основой являются общие положения, из которых все прочее выводится как логическое последствие, и совокупность описываемых явлений строится по определенной схеме и классификации.

Но такого рода логические построения сами по себе, несмотря на их действительную или кажущуюся точ-

ность, нередко оказываются очень непривлекательными для читателя. «Хрия»*, разрабатываемая по всем правилам семинарской науки, легко может обратить в бегство даже очень выносливого и терпеливого читателя, и убедительность ее бесплодна потому, что без крайней необходимости никто не дочитает ее до конца. Для того чтобы такую логику сделать доступною для широкой публики, необходимо облегчить ее усвоение, необходимо искусство изложения. И этот дар был, конечно, прирожденным у Сперанского, но нельзя сомневаться в том, что он очень многому научился на французских образцах.

С французскими мыслителями XVIII века он ознакомился еще в юные годы — об этом свидетельствуют ссылки на них в его «Правилах высшего красноречия», и это неудивительно, потому что влияние французской литературы на все образованные круги русского общества, как известно, было огромным.

Современные нам историки и критики блестяще описали сущность того «классического духа», который проникает всю французскую литературу XVIII века, и этот же дух чувствуется в манере Сперанского.

Французскому писателю этой эпохи приходилось приспособляться к очень разборчивой и прихотливой аудитории; от него требовалось большого таланта и искусства, чтобы заставить себя слушать. Основательностью и научною обстоятельностью ничего нельзя было поделать, от такого автора все отвернулись бы. Самые трудные и глубокие трактаты писались для светских салонов, где собирались не для тяжеловесных научных дебатов; философы сами должны были быть светскими людьми, чтобы говорить со своими читателями на одном языке. Во Франции XVIII века искусство вообще, и в частности искусство писателя, «было рассчитано на людей, которые прекрасно знают правописание, которые интересуются всем и ни к чему подготовки не

* Ученическое сочинение, написанное по всем правилам старинной риторики. — *Прим. ред.*

имеют, и задача заключалась в том, чтобы истину опустить до их уровня». Их нельзя затруднять техническим языком или слишком большой абстрактностью; надо говорить просто, начиная с истин для всех понятных и доступных, и вести дальше осторожно по лестнице развития данной идеи, от ступеньки к ступеньке, не пропуская ни одной, ограждая от неожиданных скачков, так чтобы читатель чувствовал себя уверенным, как на прогулке, и не замечал утомления. Но искусной и прозрачной аргументации еще мало для того, чтобы победить такую капризную аудиторию. Для этого требуется умение занимательно изложить мысль, умение владеть словом, чтобы облечь ее в форму изящную, подкупающую читателя. Важно также уловить тот общий тон, который действует на аудиторию, ей льстит, давая возможность разгадывать легкие загадки, и скрытую мысль автора рассматривать как собственное открытие.

Указанные черты легко уловить в любом трактате Сперанского. Он чутьем понял все то, что только много лет спустя сумела формулировать ученая и вдохновенная критика. Он сам извлек из своего чтения те рецепты, которые надо было применять, и свои богатые литературные способности направил по тем путям, какие надлежало. Этими свойствами дара изложения, присущими Сперанскому, объясняется тот успех, который сопутствовал первым же шагам его работы, даже в канцелярской обстановке. Успех облегчался, кроме того, необыкновенно серым общим фоном, на котором особенно ярко выделялись писания Сперанского. Достаточно сравнить любую его записку с тем, что писалось тогдашними понытчиками и приказными для того, чтобы заметить ту бездну, которая их разделяет. И даже если сравнивать их с работами авторитетных, общепризнанных тогда мастеров пера, какими считались, например, Державин или Трощинский, то нескладность и тяжеловесность их произведений становится совершенно очевидной. По содержанию мыслей эти записки дельцов старого закала, может быть, и не уступают трактатам Сперанского и местами превосходят их знанием жизни и опы-

том, но как они далеки от изящных по построению и щеголеватых по языку рассуждений Сперанского! Он сразу же затмил своих соперников и оказался на недосягаемой высоте. И когда судьба приблизила его к высшим правящим кругам, то и там невольно обратили на него внимание.

В первый раз друзья императора и он сам получили в руки русские деловые бумаги, свободные от невразумительной риторики и нагромождения бессвязных фраз, составленные с такой элегантностью, какую им приходилось встречать только в иностранной литературе. Впервые заговорил с ними чиновник на языке, для них понятном и привычном, и, конечно, его мысли, может быть, и не глубокие и не новые, должны были показаться вдвойне убедительными, а государственные способности их автора особенно замечательными.

Александр I (как уже неоднократно отмечалось выше) был требователен к форме докладов, поступавших к нему, и в особенности бумаг, подписываемых им. Он сам отлично писал не только по-французски, но и по-русски и владел тонкостями русского языка. Поэтому он более чем кто-либо мог оценить эти литературные таланты начинающего государственного деятеля, и очень скоро из редактора Сперанский сделался советником.

Стилистическое искусство Сперанского и красота его слога уже давно замечены критиками. Никто не учил его этому великолепному языку, которым блещет все им написанное. Этот талант обнаруживается в самых ранних писаниях Сперанского, по времени предшествующих влиянию Карамзина, которого считают родоначальником нашего литературного языка. Да и мало сходства в манере обоих писателей. Сжатая, короткая, подлинно величавая речь Сперанского во многом отличается от стиля Карамзина, у которого гораздо более слащавости и галлицизмов и, правду сказать, — очень много деланного. Образцы истинно красивых неожиданных оборотов речи можно много найти в сухих по темам, очень неувлекательных для чувства деловых рассуждениях Сперанского 1802 и 1803

годов, где никакого простора не открывалось для изображения разнообразных оттенков настроения и чувства и где редакция была связана официальными рамками. Здесь Сперанский был поистине творцом и пионером, и с годами отделка его записок все совершенствовалась.

Конечно, для современного нам вкуса многое уже устарело, кое-что кажется неестественным и смешным, но и в прозе Пушкина можно найти места, не соответствующие современным вкусам. Кое-что теперь может служить темой для острословия, и письмо глумовского градоправителя Беневоленского действительно является удачной пародией на некоторые письма Сперанского, особенно начала его карьеры, где слишком ярко выразилась слащавая чувствительность эпохи. К тому же в переписке с товарищем по семинарии чувствуется вычурность, желание поразить друг друга изяществом речи, одним словом, деланность. Но предметом пародий могут быть и творения Карамзина, да и других деятелей эпохи, а письма Сперанского из Перми, трактаты 1802 и 1803 годов, или Обозрения Свода Законов не осмеять. На развитие нашего литературного языка Сперанский, конечно, не мог иметь такого влияния, как Карамзин и другие литераторы, потому что его творения первых лет не появлялись в печати и были известны только небольшому кругу читателей.

Может показаться парадоксом утверждение, что литературные дарования Сперанского имели большое значение для усовершенствования государственного механизма, но мне это представляется бесспорным. Для доказательства этого достаточно сравнить делопроизводственные документы высших государственных установлений, эпохи, предшествующей ему и даже последующей в тех учреждениях, которые были вне его личного влияния.

Доклады Сенатской канцелярии, лучшей по тем временам, наиболее богатой приказными силами, невероятно тяжеловесны и очень мало вразумительны, даже по таким делам, когда канцелярия прилагала все усилия, чтобы представить дело с полной ясностью. Обстоятельства дела

излагаются бессвязно, крупные факты не отделены от мелких; внутренняя связь рассуждения выражена не отчетливо; в стилистическом отношении они почти всегда ниже всякой критики, а объем их затрудняет чтение. Читающий эти бумаги должен сам прокладывать себе путь через все дебри, сам должен находить то, что должно иметь решающее значение, никто не облегчал ему работы. Если же почему-либо канцелярия не имела в виду раскрыть все дело в полном его объеме, то доклад оказывался настолько сложным, что разобраться в нем мог только человек, знающий, где схоронены концы. Самым простым способом для этого являлось составление «краткой записки» такого объема, что для прочтения ее требовались месяцы. По судебным делам при таком обороте дела записки достигали чудовищных размеров — двух, трех тысяч страниц (а самое дело содержало, конечно, еще больше, так, например, в деле Иркутского губернатора Трескина, судимого Сенатом, было 11 000 страниц, а бывали еще более длинные).

Напротив, в канцелярии, обслуживавшей Государственный Совет и находившейся под непосредственным надзором Сперанского, сразу же сложились совсем другие традиции. Все журналы и мемории, то есть выдержки из журналов, поступающие на рассмотрение императора, были сжаты и выпуклы. По ним легко ориентироваться, ибо главное резко ограничено от второстепенного; форма их не является новой и неожиданной трудностью для разрешения дела по существу, за отделкою сам следил внимательно государственный секретарь. Попадая в Государственный Совет, преобразались самые сложные тяжёлые дела, сущность их сводилась к нескольким вопросам, аргументы за и против располагались в порядке простом и ясном, такие записки мог прочесть всякий сановник без надрыва, а последняя инстанция, император, получал вполне обработанный материал для суждения.

По делам законодательного свойства также легко проследить суждения департаментов Государственного Совета. Все необходимое в журналах и мемориях было изло-

жено с достаточной полнотой и без загромождения деталями: существующий порядок, его недочеты, меры, возможные вообще для их устранения, меры, наиболее желательные в данном случае, наконец, основные положения проекта и аргументы, доказывающие их пригодность. Напомним, что самые важные журналы, например, по вопросам финансовым, писались лично Сперанским и достойны его пера.

Необходимо, однако, указать, что за блестящею внешнею отделкою деловых бумаг Сперанского очень часто скрывается величайшая неопределенность по существу. Сперанский всегда любил сохранять за собой пути к отступлению и придавал своим произведениям большую эластичность. Тезисы, которые, на первый взгляд, поражают своею лапидарностью, подчас оказываются очень неопределенными, если подойти к ним с суровой критикой; это можно заметить и в рассуждениях его и в законах, им написанных. Щедрин правильно подметил эту черту; Беневоленский любил законы, но больше всего «сумрак законов», истины бессодержательные, из которых можно делать какие угодно выводы.

Эластичность, широта, то есть в конце концов недоговоренность, сознательно вводились Сперанским во все его писания, и он даже не скрывал от близких людей этих своих приемов. В этом сказывается несомненно прирожденное чувство какой-то зависимости, чего-то вроде боязни ответственности перед начальством, которая не оставляла Сперанского даже на высоте непререкаемого служебного влияния; даже на склоне лет, при Николае не отступал он от таких приемов, сохраняя лазейки, позволяющие потом придавать его мыслям те обороты, какие понадобятся.

К сожалению, и это свойство Сперанского перешло к его ученикам и поклонникам; поэтому нередки у нас законы, где очень много статей, а сказано очень мало, и главная мысль, если таковая имеется, скрыта и затушевана, так что в крайнем случае можно от нее отречься. Искусство писать в полутонах и впоследствии признавалось необходимым свойством канцелярского «золотого пера».

Отделанная внешняя редакция делопроизводственных бумаг по сравнению с существовавшим раньше порядком означала огромный прогресс, прежде всего, облегчение контроля за деятельностью как того органа, который непосредственно докладывал дело императору, так и органов подчиненных докладывающему. Такое делопроизводство косвенно отражалось на поднятии внутреннего порядка в подлежащих учреждениях, так как без такого порядка, без стройной иерархии в разделении работ, невозможно добиться сколько-нибудь продуманного и отделанного результата. При общей бюрократической организации высших государственных установлений, при огромном значении, какое неминуемо должна была приобрести канцелярия как орган, подготовляющий решения единоличного главы ведомства или коллегии, внешнее канцелярское производство отражалось и на достоинствах решений по существу.

Этот совсем немаловажный шаг на пути усовершенствования технического аппарата управления был сделан именно благодаря личным дарованиям Сперанского, благодаря тем его талантам, для которых не найти другого определения, как «литературные». Его пример, образцы его редакторского искусства не пропали бесследно. Они создали школу, у него явились ученики, следовавшие его методу и распространявшие ее во всех ведомствах.

В этом отношении особенно заметные успехи были достигнуты во второй период влияния Сперанского, при Николае I. Бумаги II Отделения считались образцовыми, на это учреждение равнялись все прочие, влияние Сперанского на ход дел в Государственной Канцелярии было очень велико, как потому, что он сам входил во все мелочи канцелярской кухни, так и потому, что во главе Канцелярии и среди высших ее чинов находились убежденные поклонники его талантов. А оба учреждения, привлекавшие восходящие светила канцелярской карьеры, и впоследствии долгое время служили питомниками, откуда избирались кандидаты на высшие должности по центральному и местному управлению.

Таково, если вдуматься, положительное значение незначительного, казалось бы, обстоятельства, как внешние редакции делопроизводственных бумаг. Однако к сказанному следует прибавить еще следующее: Сперанский умел не только писать бумаги, но и организовать канцелярскую работу. Он имел, иначе говоря, направлять усилия многих лиц к одной единой цели и распределять их роли так, что все шло гладко, без толчков и быстро. Однако центром работы всегда оставался он сам; все строилось так, что мелкие части, изготавливаемые разными сотрудниками, объединялись уже в его руках, помощники получали от него задания и уроки, а результат усилия в окончательной форме создавался его руками.

Особенно ярким образчиком могут служить кодификационные работы, организованные Сперанским. К ним было привлечено большое количество чиновников, и каждому поручена самостоятельная часть, требующая кропотливой и мелкой отделки; затем подлежащий отдел проверялся и дополнялся другими, обсуждался всеми причастными к нему и поступал на просмотр к Сперанскому, через которого проходило все разработанное во II Отделении. Наконец, самые важные части, например, доклады императору, или вещи, предназначенные для опубликования, писал сам Сперанский. В его бумагах сохранилось большое количество справок и заметок, составленных чиновниками II Отделения, которые послужили материалом для «Обозрения исторических сведений о Своде Законов», и таким же способом сочинялись и другие записки. Разделение труда очень ускоряло работу и сообщало ей богатство содержания, а объединение всего в лице Сперанского и его окончательная редакция обеспечивали внешнюю стройность и редакционную отделку. Сперанский обыкновенно писал такие записки лично от начала до конца и нередко перебеливал написанное, меняя не только фразы, но и существо; процесс писания затруднений для него не представлял никаких, так что его личная работа подвигалась всегда очень быстро.

Порядок, выработанный Сперанским на личном его опыте, был положен в основу организации делопроизводства министерств. Каждое «дело» проходило через ряд рук, должно было «усовершаться» в каждой стадии производства, и последний лоск, последнюю отделку получать от высшего чина канцелярии. В связи с этим стоит подробная регламентировка внутреннего канцелярского порядка производства дел, которой отведено так много места во всех уставах и учреждениях, сочиненных Сперанским. Теперь принято критиковать и высмеивать эти правила и, конечно, с основанием, если эту сторону дела рассматривать как конечную цель работы государственных установлений. Сперанский как виртуоз несомненно увлекался формой, существо заслонялось в его глазах процессом канцелярской работы, и виртуозность его по этой части нередко заводила его слишком далеко при регламентации деталей.

Но надо обсуждать и эту сторону его деятельности в исторической перспективе — ее надо сопоставлять с тем хаосом, который он застал. И раньше делопроизводственными предписаниями изобиловало наше законодательство, и до Сперанского путем «формы» стремились обеспечить достоинство «содержания», однако не следует забывать несовершенства прежнего порядка и вопиющие злоупотребления, которые вызывались им. Для того чтобы машина работала по возможности без перебоев и гладко, надлежало многому научить невежественных исполнителей, к услугам которых приходилось прибегать; для надзора и внутреннего ведомственного контроля — немаловажной гарантии законности — следовало создать внутренний порядок. Конечно, такой контроль не исчерпывает задачи, в этом не было сомнения и у Сперанского, но и он крайне необходим, а до реформ Сперанского даже и он отсутствовал.

Этим и надо объяснять многочисленные правила о порядке записи «входящих бумаг», о порядке их подписывания, об их передвижении внутри департаментов и т.д. Все это как будто мелочи, но когда подобные правила от-

сутствуют или не соблюдаются, когда «бумаги теряются» в канцеляриях, когда нет возможности навести справки о «положении дела» в данный момент — тогда можно смело утверждать, нет порядка и в крупных государственных делах, а деятельность управления легко вырождается в зловредную бессмыслицу. Сперанский с полным правом может считаться творцом русской бюрократической машины последнего столетия. Ему принадлежат как и устройство основ административного строя, то есть учреждение министерств, так и всего с ним связанного, а на личном примере он показал, как должен действовать этот механизм, и научил с ним обходиться.

Наша бюрократическая машина всегда подвергалась жестокой критике. Ее осуждали, над ней смеялись, и в самом деле она подавала повод и для осуждения, и для насмешки. Но беспристрастная ее история еще не написана, и нельзя отрицать, что она сослужила свою историческую службу. Большие государственные успехи были достигнуты в этот период жизни империи, и при объективной оценке можно найти серьезные заслуги ее в развитии нашей государственности. Во всяком случае, многое из того, что ей ставится в вину, не ей должно быть приписано. Бюрократическая машина была ничем иным как инструментом в руках высшей власти; ее можно было использовать для разных целей, и нет основания осуждать инструмент, если почему-либо критику не симпатичен результат работы. Без такого инструмента ни одно государство не в силах разрешить самых элементарных своих задач. До Сперанского в России такого инструмента не было; в создании его заключается великая, по моему мнению, даже самая крупная государственная и историческая заслуга Сперанского. И этот успех, в моих глазах, неразрывно связан со Сперанским; для достижения его необходимо сочетание тех личных дарований и сил, которыми обладал именно он.

Но не эта заслуга вписала имя Сперанского в Пантеон русской славы. В широких кругах русского образованного общества не эта сторона его государственной де-

ятельности привлекала внимание. Судьба связала его со светлыми идеями, которые всегда продолжали жить в сердцах лучших сынов России, с сокровищницей лучших надежд и вожделий общества.

В первые годы царствования Александра русское общество переживало первую весну политического развития; недаром «дней Александровых... начало» представлялось Пушкину «прекрасным», а Сперанский — гением блага, стоящим в дверях этого царствования. И в самом деле, хотя почин и руководящая роль принадлежат не Сперанскому, хотя ему нередко приходилось перелagать на ноты чужие мелодии, идеи этой эпохи были близки и родственны его духу. Это чувствуется всеми, кто размышлял над его государственной деятельностью.

Не всегда обстоятельства позволяли ему во всей полноте проводить то, что в основной своей сущности ему рисовалось как правильное и необходимое для родины, человеческие слабости заставляли его уклоняться от этих путей, но одна мысль всегда сопутствовала ему, мысль о законности как проявления нравственного начала и порядка в государстве. Ни один государственный деятель до него не ощущал ее с такой ясностью, да и после него она имела не много таких убежденных апостолов. Для выражения этой мысли в ее отвлеченной силе он находил блестящие и вдохновенные слова, над осуществлением ее работал непрерывно. Она сказывается во всех его государственных начинаниях, и тех, которые увлекают передовую мысль, и тех, которые для нее остаются, на первый взгляд, незаметными. Стремление к усовершенствованию «формы» есть тоже одно из ее проявлений. Она не исчерпывает всех требований культурного государственного порядка, но она есть основа и предположение всякого движения и успеха государственности. Про эту сторону деятельности Сперанского можно сказать его же словами: «Тот много сделал, кто умел избрать и насадить первый корень, хотя одно время и стечение стихий может возрастить древо».

Библиография*

Обширное письменное наследие Сперанского хранится в различных учреждениях. Наиболее крупные собрания его бумаг имеются: 1) в Российской Публичной Библиотеке, куда они были пожертвованы Е.М. Фроловой-Багревой, его дочерью, и сенатором Г.К. Репинским, сыном близкого его сотрудника; кроме того, некоторые его бумаги были приобретены Библиотекой от разных лиц; 2) в Архиве бывшего Государственного Совета (по позднейшей терминологии «Архив Законодательных Дел»). Но очень многие документы разбросаны по другим хранилищам (Государственный Архив, Архив С.Е.И.В. Канцелярии, Министерства Финансов и др.). По инициативе Исторического Общества при Петроградском Университете была образована в 1916 году, под председательством академика А.С. Лаппо-Данилевского, комиссия по изданию сочинений, бумаг и писем гр. Сперанского. Комиссия поставила себе задачей прежде всего описать сохранившиеся документы, а затем издать их в печатном виде. Благодаря содействию Академии Наук в 1916 году напечатана «Опись бумаг М.М. Сперанского 1812 г., изданная под редакцией князя

* Библиография составлена А.Э. Нольде и печатается в авторской редакции. См. также новейшую библиографию опубликованных трудов и писем М.М. Сперанского и исследований о нем в издании: *Сперанский М.М. Руководство к познанию законов* / Отв. ред. И.Д. Осипов. СПб.: Наука, 2002. С. 657–672.

Н.В. Голицына»*. В ней перепечатаны описи бумаг, оставшихся в кабинете Сперанского после его ссылки. Очень многие работы и письма Сперанского уже опубликованы, к сожалению, без всякого плана и не всегда в совершенном виде. Они помещались случайно, частью в журналах очень разнообразного содержания, частью как приложения к исследованиям. К сожалению, до сих пор библиографии по этому предмету не имеется никакой. Печатаемый ниже список изданий, содержащих произведения пера Сперанского, не претендует на исчерпывающую полноту; в частности, в нем не имеется полного списка писем Сперанского, а указаны только наиболее крупные собрания их.

Самостоятельные исследования, содержащие указанные публикации, помещены во втором отделе перечня, по принадлежности.

Литература, имеющая отношение к жизни и деятельности Сперанского, огромна. Прямо и косвенно этих предметов касаются все исторические и историко-юридические работы, посвященные эпохе Александра I и отчасти Николая I; более или менее пространно говорится о нем в мемуарах, письмах и других материалах того времени; они, кроме того, освещаются в сочинениях, касающихся учреждений, созданных Сперанским (Государственный Совет, министерства и др.), и государственных вопросов, поставленных им на очередь (финансовые планы, кодификация и т.п.). Исчерпывающий перечень всех работ этого рода должен был бы охватить бесконечное число изданий по русской истории вообще, истории права и отдельных ее отраслей (государственного, административного, гражданского и др.) за XIX век. В печатаемом ниже списке помещены только главнейшие сочинения, имеющие близкую связь с биографией и характеристикой Сперанского, с отдельными эпизодами его жизни и т.д., или дающие значительный материал по этим предметам.

* См. также: Каталог фонда М.М. Сперанского (№ 731) / Сост. М.Я. Стецкевич. Л.: Гос. публич. б-ка им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1962.

Самым обширным и до сих пор не устаревшим исследованием о Сперанском является книга барона (впоследствии пожалованного в графы) Модеста Андреевича Корфа, озаглавленная «Жизнь графа Сперанского», 2 тома, издание II (исправленное) 1861 г. Некоторые дополнения имеются в его статье <«Из бумаг о графе Сперанском»>, помещенной в «Русском Архиве» за 1867 г. (№ 3, столбцы 432–455). Корф воспользовался почти всеми имеющимися письменными материалами и, кроме того, лично знал Сперанского по службе своей во II Отделении С.Е.И. В. Канцелярии и других учреждениях при Николае I. Письменные материалы он мог дополнить рассказами дочери Сперанского и других лиц, близких к нему. Главы и отрывки из его работ, по цензурным и иным соображениям не включенные в указанные выше сочинения, сохранились в бумагах академика А.Ф. Бычкова и были опубликованы И.А. Бычковым в «Русской Старине» 1902 г. за январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, октябрь, ноябрь и 1903 г. за январь, февраль, апрель, сентябрь (под различными заголовками). Труды барона Корфа служат до сих пор главным источником сведений о личной и частной жизни Сперанского. По другим вопросам, в особенности же о работах Сперанского над задуманным Александром I преобразованием империи на конституционных началах, позднейшие исследователи внесли больше нового, так как эти вопросы Корф вынужден был обходить.

Много данных о различных эпизодах жизни Сперанского и публикаций документов, его касающихся, имеется в сочинениях: Н.К. Шильдера — «Император Александр I» (1898 г.), Великого князя Николая Михайловича — «Император Александр I», «Граф П.А. Строганов» и др., А.Н. Пыпина — «Общественное движение в России при Александре I» (все издания), «Очерки литературы и общественной жизни при Александре I» (1917 г.), «Религиозные движения при Александре I» (1916 г.), Шимана, Н.Ф. Дубровина, М.И. Богдановича и других исследователей; см. также «Историю России в XIX веке», изд. Т-ва Гранат, 1907 г.

Сочинения, бумаги и письма Сперанского

- 1) «Ярославские Епархиальные Ведомости» 1886 г., № 6, 13, 25 (ср. также: 1893 г., № 4 и № 20). Проповеди, произнесенные Сперанским в бытность студентом семинарии.
- 2) Физика, выбранная из лучших авторов, расположенная и дополненная Невской Семинарии философии и физики учителем М. Сперанским. Изд. Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Императорском Московском Университете, Москва, 1872 г. (Предисловие Бодянского).
- 3) Граф М.М. Сперанский. Правила высшего красноречия. Петербург, 1844 г. (изд. И. Ветринский).
- 4) Сборник Археологического Института, кн. I, СПб., 1878 г. (Различные записки Сперанского по вопросам, связанным с реформой Сената 1801–1802 гг., и некоторые 1810 г.).
- 5) «Историческое обозрение», т. XI (1899 г.), стр. 1–53. Записка М.М. Сперанского об устройстве судебных и правительственных учреждений в России, 1803 г.
- 6) «Историческое обозрение», т. X, 1898 г., стр. 1–62. Проект уложения государственных законов (1809 г.).
- 7) План государственного преобразования графа М.М. Сперанского. Изд. «Русской Мысли», Москва, 1905 г. (Содержит перепечатку записок здесь приведенных под № 6, 5, и некоторых других).

-
- 8) Материалы по истории финансового управления Финляндией со времени ее присоединения к России. СПб., 1918 г. (Изд. Комиссии по систематизации финляндских законов).
 - 9) Записка об усовершенствовании общего народного воспитания (к указу об экзаменах на чин 1809 г.). «Русская Старина» 1907 г., т. 132, стр. 729 и след. Ср. также: С.В. Рождественский. Сословный вопрос в русских университетах в первой четверти XIX века. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1907 г.; его же: Материалы для истории учебных реформ в России 1910 г., стр. 372.
 - 10) Дело Государственного Совета Комитета Председателей бывшего в 1810 и 1811 годах. О соединении Старой и Новой Финляндии под одно наименование и один образ правления, Архив Государственного Совета, журнал № 15, по архиву № 35, 1811 г. СПб., 1908 г. Государственная типография.
 - 11) Сборник Императорского Русского Исторического Общества, т. 121, стр. 446–462. Отчет в делах. 1810 года, представленный Императору Александру I М.М. Сперанским.
 - 12) Сборник И.Р. Исторического Общества, т. 45 (стр. 1–72). План Финансов.
 - 13) Винавер, М.М. Из области цивилистики. СПб., 1908, стр. 80–93. Записка М.М. Сперанского о гражданском и уголовном уложениях (1821 года). См. также: Журнал Министерства Юстиции, 1897 г., кн. VI.
 - 14) Материалы, собранные для Высочайше учрежденной комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений. СПб., 1870 г. Отдел Административный. Часть I. Материалы исторические и законодательные. Проект учреждения наместничеств (Сперанского).
 - 15) Сборник И. Р. Исторического Общества, тт. 74 и 90. Журналы и Бумаги Комитета, Высочайше учрежденного 6 декабря 1826 г.
 - 16) Сборник И. Р. Исторического Общества, т. 30. О законах. Беседы графа М.М. Сперанского с Е.И.В. Госуда-

-
- рем, Наследником Цесаревичем В.К. Александром Николаевичем, с 12 октября 1835 г. по 10 апреля 1837 г.
 - 17) Обзорение исторических сведений о Своде Законов. СПб., I изд. 1833 г. и II изд. 1837 г. (переведено на немецкий и французский языки).
 - 18) «Русская Старина» 1873 г., т. 8, стр. 585. Мысли о новых билетах Казначейства (1831 г.). Письма М.М. Сперанского к графу Канкрину.
 - 19) Чтения Императорского Общества Истории и древностей Российских, 1872 г. О монетном обращении. Сочинение графа М.М. Сперанского (сообщил А.Ф. Бычков).
 - 20) Записка о монетном обращении гр. Сперанского с замечаниями гр. Канкрин. Печатано по распоряжению министра финансов, 1895 г.
 - 21) Руководство к познанию законов. Сочинение графа Сперанского. СПб., 1845 г.
 - 22) В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872. СПб., 1872. Издание Императорской Публичной Библиотеки (сборник, содержащий дневники, письма, отдельные записки и заметки по разным предметам Сперанского).
 - 23) Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, изд. Н. Калачовым. Записки Сперанского:
 - а) 1858, кн. I: О системе законов вообще. О праве вообще. О законах гражданских. О системе законов собственности. О собственности. Об охранении.
 - б) 1859, кн. II: Объяснительная записка содержания и расположения Свода Законов Гражданских. Историческое обозрение изменений в праве поземельной собственности и в состоянии крестьян (ср. Сборник Историч. Общ., т. 30, стр. 450 и след.).
 - в) 1859, кн. III: О единогласии и разногласии в решениях. О крепостных людях. О государственных установлениях.
 - г) 1859, кн. IV: Замечания о губернских учреждениях.
 - д) 1860, кн. V: О состоянии. О родовых имениях. Допол-

- нение к замечаниям графа Сперанского о губернских учреждениях.
- е) 1861, кн. I: О силе и действии Свода. Об учреждениях, относящихся до экономии государственной и правительственной. О законах земских.
- 24) Калачов Н. Разборы сочинения г. Андреевского «О наместниках, воеводах и губернаторах». В приложениях напечатана записка Сперанского «Введение к наместническому учреждению» 1821 года, по поводу проекта об учреждении наместнических округов (ср. выше под № 13).
- 25) Архив Государственного Совета. Том IV; Журналы по делам Департамента Законов. Часть I (проект гражданского, уголовного и торгового уложений 1809 г.); Журналы Департамента Экономии. Часть I (по финансовым преобразованиям).
- 26) «Сын Отечества» 1844 г., № 1 и 2. Воспоминания о Сперанском. Досуги Сперанского (Дневник его 1795 г., содержащий краткие рассуждения по разным предметам, напр., «О времени», «пространстве» и др.).
- 27) О военных поселениях. СПб., 1825 г. (напечатано анонимно).
- 28) «Русская Старина» 1872 г., т. V, стр. 68. Философские отрывки Сперанского (сообщено А.Ф. Бычковым), стр. 81, 469. Заметки П.И. Савваитова, 1876 г., т. 15, стр. 431–441. I. Краткое историческое обозрение комиссии составления законов, II. Предположения к окончательному составлению Свода Законов. Стр. 586; о существе Свода; о законах римских и различии их от законов российских. История пошлин в России. История пошлин в Англии (сообщено А.Ф. Бычковым). 1885 г., декабрь, I–IV. Записки об училище по судебной части. 1835 г. 1900, т. 104, стр. 429–436. Записки: 1) О видах Франции по брачному союзу с Австриею (1810 г.); 2) О видах французского правительства по управлению Польшею. 1902, декабрь, стр. 495–499; 3) О силе правительства (сообщено П.М. Майковым).
- 29) Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива I Отделения. С. Е. И. В. Канцелярии, I т. СПб., 1876 г. (бумаги, относящиеся к службе М.М. Сперанского в 1818 г. и 1819 г., письма Сперанского, записки его по делам Финляндии, рескрипты к нему Александра I).
- 30) Дубровин Н. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I. СПб., 1883 г. Письма Сперанского к Аракчееву 1816–1825 гг. и к Александру I.
- 31) Дружеские письма гр. М.М. Сперанского к П.Г. Массальскому, писанные с 1798 по 1819 гг. СПб., 1862 г. В приложении: Краткий очерк священной истории и учения христианской веры, сочин. Сперанским.
- 32) Граф Сперанский. Письма из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне (в замужестве Фроловой-Багреевой). Москва, 1869 г.
- 33) Граф М.М. Сперанский. Письма к Хр.И. Лазареву. СПб., 1864 (в приложениях напечатана «Дума на гробе гр. Сперанского» Магницкого).
- 34) Значительное количество писем Сперанского к разным лицам напечатано в журналах, особенно в «Русском Архиве» (письма к дочери (1868), к А.А. Столыпину (1869), Ф.И. Цейеру (1870)) и в разнообразных изданиях, посвященных эпохе Александра I и Николая I.
- Некоторые записки Сперанского, незначительные по объему и по содержанию напечатаны в Архиве гр. Мордвиновых, т. III, стр. 641; VI, 562; IX, 558.

**Главнейшие исследования
и материалы, касающиеся жизни
и трудов Сперанского**

- Барон М.А. Корф.** Жизнь графа Сперанского. 2 ч. СПб., изд. II (исправленное). Некоторые дополнения к этому труду напечатаны бароном Корфом в «Русском Архиве», 1867 г., № 3, столб. 432–455.
Дополнительные материалы к «Жизни графа Сперанского», опубликованные И.А. Бычковым: «Русская Старина» 1902 г., январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, октябрь, ноябрь; 1903 г., январь, февраль, апрель, сентябрь.
Duret. Un portrait russe, L'oeuvre et “Le livre d'une femme” de Mme Bagroff-Speranski (1867). Содержит интересные данные о личности и жизни дочери М.М. Сперанского Елизавете Михайловне.
- Лонгинов М.М.** Гр. М.М. Сперанский. «Русский Вестник» 1859 г., № 19, стр. 337; № 20, стр. 535.
- Чернышевский Н.Г.** Русский Реформатор. «Современник» 1861 г., т. 89, № 10.
- Дмитриев Ф. М.** Сперанский. «Русский Архив» 1868 г., стр. 1527 и след. См. также «Сочинения», т. II, Москва, 1900 г.
- Погодин М.П.** Сперанский. «Русский Архив» 1871 г., № 7 и 8.
- Чистович И.** В память графа М.М. Сперанского. Христианское Чтение 1871 г.

- Никитинко А.В.** Воспоминания о М.М. Сперанском. Речь в годичном собрании Академии Наук, 29 декабря 1872 г. СПб., 1872 г.
- Романович-Станиславский А.В.** Государственная деятельность графа М.М. Сперанского. Читано на торжественном акте Университета Св. Владимира 9 января 1873 г. Киев, 1873 г.
- Дружинин Н.** Памяти графа М.М. Сперанского. «Исторический Вестник» 1889 г., январь.
- Филиппов А.Н.** Значение Сперанского в истории русского законодательства первой половины XIX века. «Русская Мысль», 1889 г., кн. 4.
- Южаков С.Н.** М.М. Сперанский. Его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1891 г.
- Середонин С.М.** Граф М.М. Сперанский. Русский Биографический Словарь, изд. Императорским Русским Историческим Обществом, СПб., 1909 г.
- Фатеев А.Н.** М.М. Сперанский (1809–1909). Биографический очерк, Харьков, 1910 г.
- Уманец Ф.М.** Александр и Сперанский. Историческая Монография. СПб., 1910 г.
- Фатеев А.Н.** М.М. Сперанский. Влияние среды на составителя свода Законов в первом периоде его жизни. «Юридический Вестник» 1915 г., кн. X (II).
- Семевский В.И.** Первый политический трактат Сперанского. «Русское Богатство» 1907 г., январь.
- Его же.** Из истории общественных течений в России в XVII и первой половине XIX века. «Историческое Обозрение», т. IX, 1897 г., особ. стр. 260 и след.
- Swatikow, S.** Die Entwurfe der Aenderung der russischen strafs verfassung, Heidelberg, 1904.
- Щеглов, В.Г.** Государственный Совет в царствование Императора Александра I. 1895 г.
- Его же.** Государственный Совет в России, в особенности в царствование Императора Александра I. Том I, 1892 г.

Государственный Совет. 1801–1901. Составлено в Государственной Канцелярии. СПб., 1901 г.

Государственная Канцелярия. 1810–1910. Составлено в Государственной Канцелярии. СПб., 1910 г.

Журналы Комитета Министров. Царствование Императора Александра. 1, 2 т., СПб., 1888 г.

Правительствующий Сенат за 200 лет. СПб., 1911. Т. III.

Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1901, т. I.

Министерство финансов, 1802–1902. СПб., 1909.

Кауфман П.И. Из истории бумажных денег в России. СПб., 1909 г.

Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode. Т. III, Paris (Ср. П.М. Майков. Из семейного архива гр. Нессельроде, «Русская Старина» 1906 г., март, стр. 692).

Tourguenieff, N. La Russie et les Russes. Т. III, Paris.

Карамзин Н.М. О древней и новой России. «Русский Архив» 1870 г., т. II, стр. 2305 (см. также Пыпин А.Н. Общественное движение в России, приложения); новейшее издание В.В. Симовского, 1914.

Иконников. Граф Н.С. Мордвинов. СПб., 1873 г.

Записка о мартинистах, представленная в 1811 году гр. Растопчиным В. Кн. Екатерине Павловне. «Русский Архив» 1875 г., III, стр. 75.

Троцкий. О неудобствах происходящих от государственного управления в форме единоличной и пр. Сборник И.Р. Исторического Общества, т. III (стр. 23–162).

Покровский С.П. Министерская власть в России. Историко-юридическое исследование. Ярославль, 1906 г.

Филиппов А.Н. Исторический очерк образования министерств в России. Журнал Министерства Юстиции. 1902. IX и X.

Середонин С.М. К плану всеобщего государственного образования, 1809 г. (Сборник: «С.Ф. Платонову. Ученики, друзья и почитатели», 1911 г., стр. 533 и след.).

Бородкин М. История Финляндии. Время Императора Александра I.

Ордин К.Ф. Покорение Финляндии (Собрание сочинений по финляндскому вопросу, т. II и III). СПб., 1909.

Попов Евгений, прот. Великопермская и Пермская епархия.

Катетов И.В. Гр. Михаил Михайлович Сперанский как религиозный мыслитель, Казань 1879 г. (см. также «Православный Собеседник», 1879 г.).

Полетаев Н. Некоторые дополнения к исследованию г. Катетова о религиозной мыслительности гр. Сперанского. «Православный Собеседник» 1890 г., март.

Ельчанинов А. Мистицизм М.М. Сперанского. «Богословский Вестник» 1906 г., кн. I и II.

Троцкий А. М.М. Сперанский в Пензе. «Русская Старина» 1902 г., т. 112, № 11, стр. 341–345.

Вагин В. Исторические сведения в деятельности гр. М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1922 гг., 2 т. СПб., 1872 г.

Обозрение главных оснований местного управления Сибири. СПб., 1841 г.

Прутченко. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г. в строе управлений русского государства. 2 т. (т. II, приложения). СПб., 1899 г.

Высочайше учрежденная под председательством ст. с. Куломзина Комиссия для исследования Землевладения в Забайкальской области. Материалы. Вып. V. Исторические сведения. Составил А. Щербачев. СПб., 1898 г.

Ядринцев Н.М. Сперанский и его реформы в Сибири. «Вестник Европы» 1876 г., V и VI.

Щапов А.П. Сибирское общество до Сперанского. Известия Сибирского Отдела Императорского Географического Общества 1873 г. (т. IV), № 4 и 5, 1874 (т. V), № 1.

Блосфельдт Г. Э. «Законная» сила Свода Законов в свете архивных данных. Петроград, 1917 г.

Виселевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX вв., т. II (СПб., 1888).

Майков П.М. Второе Отделение С.Е.И.В. Канцелярии. Исторический очерк. СПб., 1906 г.

Майков П. О Своде Законов. СПб., 1905 г.

Филиппов А.Н. Император Николай I и Сперанский (О кодификации русского права в царствование Николая I) 1897 г. (Ученые записки Юрьевского Университета 1897 г., кн. 2).

Нефедьев Е.А. Причины и цель создания Полного Собрания и Свода Законов с точки зрения Сперанского. Казань, 1889 г.

Майков П.М. Сперанский и студенты законовения. «Русский Вестник» 1899 г., август, сентябрь, октябрь.

Филиппов А.Н. К вопросу о составе I Полного Собрания Законов Российской Империи (Актовая речь). Москва, 1916 г.

Его же. Два историко-юридических издания, задуманные М.М. Сперанским при Николае I. Исторические известия, изданные Историческим Обществом при Московском Университете 1916 г., № 1. Отрывок из воспоминаний Ф. грюнвальдта, касающиеся кодификации остзейских законов и участия в этом Сперанского, напечатан в «Русской Старине» 1882 г., июль, стр. 41. Полностью его мемуары (сколько сохранилось) напечатаны в *Baltische Monatschrift* 1882 г.

Винавер М.М. К вопросу об источниках X тома Свода Законов. «Журнал Министерства Юстиции» 1890 г., октябрь.

Пахман С.В. История кодификации гражданского права. Т. II, СПб., 1876.

Барон А.Э. Нольде. Очерки по истории кодификации

местных гражданских законов при гр. Сперанском. Выпуск I, 1907 г.; II, 1914, СПб.

Князь Н.В. Голицын. Сперанский в Верховном Уголовном суде над декабристами. «Русский Исторический Журнал» 1917 г., кн. I.

Барон М.А. Корф. Смерть графа Сперанского, «Русская Старина» 1893 г., XI, стр. 317.

Рождественский С.В. М.М. Сперанский и Комитет 1837 года о степени обучения крепостных людей (С.Ф. Платонову ученики, друзья и почитатели. 1911 г., стр. 254 и след.).

Воспоминания и мемуары

- Ильинского Н.С.** «Русский Архив» 1897 г., кн. III.
- Вигеля Ф.Ф.** «Русский Архив» (особенно 1892 г.).
- Барона Г.А. Розенкампа.** «Русская Старина», октябрь, ноябрь (перевод П.М. Майкова).
- Рунича.** «Русская Старина» 1901 г.
- Гауеншильда С.** «Русская Старина» 1902 г., кн. V (ср. записку бар. М.А. Корфа: «Русская Старина» 1892 г., X, стр. 120, 122).
- де Санглена Я.И.** «Русская Старина» 1883 г., т. 37.
- Батенькова Г.С.** Гершензон М. Г.С. Батеньков. Русские Пропилеи 1916 г., № 2 (ср. «Русск. Архив» 1881 г.). Гр. М.М. Сперанский и гр. А.А. Аракчеев (по воспоминаниям Г.О. Батенькова, напис. 31 марта 1826 г.). «Русская Старина» 1897, т. 93, стр. 83–92.
- Калашникова.** Записки Иркутского жителя. «Русская Старина» 1902, т. 123, июль, стр. 187.
- Баснина.** «Исторический Вестник» 1903 г., июнь.
- Булгарина Ф.** «Библиотека для чтения» 1848 г.
- Мартынова Ив.Ив.** «Современник» 1856 г., т. IV (Статья Колбасина).
- Дмитриева И.И.** Взгляды на мою жизнь. Русский Архив, 1868 г., № 10.

-
- Тургенева А.И.** «Русская Старина» 1895 г. (июнь).
- Сенатора Лебедева.** «Русский Архив» 1910 г.
- Панаева И.И.** «Русская Старина» 1892, XII. Стр. 476.
- Князя А.И. Голицына.** Рассказы («Русский Архив» 1886 г., кн. II; 1889, кн. IV, стр. 217).

**Список
основных научных трудов А.Э. Нольде**

1. *Нольде А.Э.* Порядки австрийского парламента. Отд. оттиск. СПб.: Сенат. тип., 1906. 30 с. (Журнал министерства юстиции. 1906. Март).
2. *Нольде А.Э.* Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанском. Вып. 1–2. СПб.: Сенатская тип., 1906–1914.
Вып. 1. Попытка кодификации литовско-польского права. 2, V, 314 с.
Вып. 2. Кодификация местного права прибалтийских губерний. 6, IX, 668 с.
3. *Нольде А.Э.* О принудительном отчуждении недвижимостей по английскому праву // Журнал министерства юстиции. 1907. Февраль. С. 73–121; Март. С. 49–104.
4. *Нольде А.Э.* Об ограниченной ответственности судовладельцев по уставу торговому. Отд. оттиск. СПб., 1908. (Журнал министерства юстиции. 1908. Сентябрь и октябрь).
5. *Пергамент М.Я., Нольде А.Э.* Обзорение исторических сведений о составлении свода местных законов западных губерний... СПб.: Р. Голике и А. Вильборг, 1910.
6. *Пергамент М.Я., Нольде А.Э.* Свод местных законов западных губерний: проект. СПб.: Р. Голике и А. Вильборг, 1910.
7. *Нольде А.Э.* Судебная деятельность Сената при Екатерине II // Правительствующий Сенат за 200 лет. СПб.: Сенат. тип., 1911.
8. *Нольде А.Э.* Сенат в царствование Павла Петровича // Там же.
9. *Нольде А.Э.* Правотворческая деятельность Правительствующего Сената в области гражданского права // Там же.
10. *Нольде А.Э.* Правительствующий Сенат в XIX столетии. СПб., 1911.
11. *Нольде А.Э.* Происхождение части текста действующего свода гражданских узаконений губерний Прибалтийских: таблица заимствований текста статей из литературы римского права и иноземных кодексов. Отд. оттиск. СПб.: Сенат. тип., 1912. 80 с.
12. *Нольде А.Э.* Один из источников текста свода гражданских узаконений губерний Прибалтийских. Отд. оттиск. СПб.: Общественная польза, 1913. (Вестник гражданского права. 1913. № 4).
13. *Нольде А.Э.* К истории перевода Литовского статута на русский язык // Сборник статей в честь Д.Ф. Кобеко. СПб., 1913. С. 135–142.
14. *Нольде А.Э.* К.П. Победоносцев и судебная реформа. Отд. оттиск. Пг.: Общественная польза, 1915. 42 с. (Вестник гражданского права. 1915. № 8).
15. *Нольде А.Э.* Отношения между судом и администрацией после издания судебных уставов. Отд. оттиск. Пг.: Сенат. тип., 1915. 228 с. («Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет: юбилейный сборник»).
16. *Нольде А.Э.* Пожизненное владение родовым имуществом по завещанию супруга. Пг.: Тип. бр. В. и И. Линник, 1916. 55 с.

Указатель имен*

Александр I Павлович (1777–1825) — император (1801–1825).

Алексеев — сенатор, критик делопроизводственной стороны проекта реформы Сената, предложенного Сперанским.

Алексей Михайлович (1629–1676) — царь с 1645 г.

Амбургеры, семья.

Анна Иоанновна (1693–1740) — императрица (1730–1740).

Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834), граф — генерал от артиллерии, военный министр (1808–1825), председатель департамента военных дел Государственного Совета (1810).

Армфельдт (Армфельг) Карл (1794–1875), граф — государственный деятель, министр и статс-секретарь княжества Финляндского с 1842 г.

Балашов Александр Дмитриевич (1770–1837) — член Государственного Совета, в 1810 г. министр полиции, в 1819–1828 гг. генерал-губернатор Орловской, Тульской и Воронежской губерний.

Балугьянский Михаил Андреевич (1769–1847) — юрист, член комиссии составления законов, деятельный сотрудник Сперанского в кодификации законов, профессор Петербургского педагогического института, впоследствии ректор университета, сенатор.

Батеньков Гавриил Степанович (1795–1863) — сподвижник Сперанского, подполковник корпуса инженеров путей сообщения, с 1825 г. член «Северного общества» и «Союза благоденствия», приговорен к 20

* В указатель не включены имена лиц, упоминаемые в библиографии.

годам каторги, до 1856 г. был на поселении в Сибири.

Бек Х.А. (1770–1853) — доверенное лицо Александра I, специалист по перлюстрации.

Беклешов Александр Андреевич (1743 или 1745–1806) — генерал-прокурор (1799–1800, 1801–1802).

Бенкендорф Александр Христофорович (1781/ 83 — 1844), граф — генерал-адъютант, шеф корпуса жандармов и начальник III Отделения Е.И.В. канцелярии.

Бернадот Жан Батист Жюль (1763–1844) — маршал Франции, король Швеции и Норвегии в 1818–1844 гг.

Блекстон Вильям (1723–1780) — английский юрист, адвокат, судья.

Блосфельдт Г.Э. — юрист, автор книги «“Законная” сила Свода Законов в свете архивных данных» (Пг., 1917).

Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1864), граф — дипломат, министр внутренних дел (1832–1839), в 1826 г. делопроизводитель Верховной следственной комиссии по делу декабристов.

Блум — датский посол в Петербурге.

Брин Ф.А., фон — Тобольский гражданский губернатор.

Брюкнер — губернатор Б.А. Куракина.

Бэкон Франциск (1561–1626) — философ, юрист, основатель эмпирического направления в философии.

Бычков И.А. — биограф Сперанского, сын академика А.Ф. Бычкова, публикатор его бумаг.

Варнег де, кавалер — тайный агент Людовика XVIII.

Васильчиков Иларион Васильевич (1777–1847), граф, князь — генерал от кавалерии, председатель Государственного Совета и Комитета министров (1838–1847).

Вейденмейф — критик делопроизводственной стороны проекта реформы Сената, предложенного Сперанским.

Вейкард Жорж — домашний учитель в доме Столыпина-Вильде.

Вейхардт Софья — сверстница дочери Сперанского.

Вирст — чиновник комиссии составления законов.

Вольтер Мари Франсуа Аруз (1694–1778) — французский писатель и философ.

Врангель, барон — правовед, профессор Петербургского университета.

Вронченко О.П. — старший письмоводитель.

Всеволожские, семья.

Вяземский Александр Алексеевич (1717–1796), князь — действительный тайный советник, генерал-прокурор.

Вязьмитинов (Вязмитинов) Сергей Кузмич (Козмич) (1749–1819), граф — министр военно-сухопутных сил (1802–1808), генерал-губернатор Петербурга (1812–1818), в отсутствие А.Д. Балашова управлял министерством полиции.

Гавриил (Петров П.П.) (ум. 1801), митрополит — архиепископ Новгородский и Петербургский.

Ганка Вацлав (1791–1861) — чешский ученый-славист, профессор Пражского университета.

Гермес — гражданский губернатор Перми.

Гесслер — гардеробмейстер.

Гиммельштиерн Самсон, фон — лифляндский ландрат, специалист по остзейскому праву.

Глебов — генерал-прокурор при императрице Елизавете Петровне.

Гнедич Николай Иванович (1784–1833) — поэт, переводчик.

Голицын А.И., князь — член Комитета под председательством графа Кочубея по рассмотрению дел сибирской ревизии Сперанского.

Голицын Александр Николаевич (1773–1844), князь — с 1803 г. обер-прокурор Синода и статс-секретарь, с 1810 г. член Государственного Совета, в 1816 г. министр духовных дел и народного просвещения.

Гумбольдт Александр (1769–1859) — немецкий ученый-естествоиспытатель и географ.

Гурьев Дмитрий Александрович (1751–1825), граф — министр финансов (1810–1823), министр уделов (1806–1825).

Густав III (1746–1792) — шведский король.

Густав IV Адольф (1788–1837) — шведский король.

Данилович Игнатий Николаевич (1781–1843) — историк, юрист, профессор Виленского, Киевского и Московского университетов.

Дашков Дмитрий Васильевич (1784–1839) — с 1826 г. товарищ министра внутренних дел, затем министр юстиции (1832–1839), литератор.

Державин Гавриил Романович (1743–1816) — поэт, государственный

деятель, глава комиссии по составлению законов Государственного Совета (1802), министр юстиции (1802).

Дибич Иван Иванович (1785–1831), барон, с 1827 граф — генерал-фельдмаршал (1829), с 1823 г. — начальник Главного штаба, главнокомандующий русскими войсками, направленными на подавление польского восстания.

Дмитриев Иван Иванович (1760–1837) — поэт, писатель, член Государственного Совета и министр юстиции (1810–1814).

Дюмон Пьер Этьен Луи (1759–1829) — французский философ, публицист, проповедник в Петербурге, член Большого Совета в Женеве.

Екатерина I (1684–1727) — императрица (1725–1727).

Екатерина II (София-Фредерика-Августа) (1729–1796) — императрица (1762–1796).

Екатерина Павловна (1788–1819), великая княгиня — четвертая дочь императора Павла I, вышла замуж в 1809 г. за принца Георга Ольденбургского, сблизил брата Александра I с Карамзиным, пользовалась большим влиянием во время Венского конгресса; второй ее муж — принц Вильгельм Вюртембергский, позднее король.

Елизавета Петровна (1709–1761) — императрица (1741–1761).

Жерве Андрей Андреевич (1778–1832) — действительный статский советник, заведовал экспедицией дешифрования депеш.

Жуковский Василий Андреевич (1783–1852) — поэт, переводчик.

Завадовский Петр Васильевич (1739–1812), граф — министр народного просвещения (1802–1810), глава комиссии составления законов при Государственном Совете.

Завалишин Дмитрий Ириархович (1804–1892) — лейтенант восьмого флотского экипажа, декабрист, член «Северного общества».

Злобин Константин Васильевич (1771–1831) — коллежский советник, поэт, масон, был женат на своячнице Сперанского Марианне Стивенс.

Злобина Марианна — тетка дочери Сперанского.

Илличевский Демьян Васильевич — Томский гражданский губернатор.

Ильинский Н.С. (1761–1846) — сослуживец Розенкампа, статский советник, сотрудник комиссии составления законов при Государственном Совете.

Кавелин Константин Дмитриевич (1818–1885) — историк, правовед, публицист, профессор Петербургского университета (1857–1861).

Калачов Николай Васильевич (1819–1885) — археолог, историк-юрист, профессор Московского университета, основал Петербургский археологический институт, издавал с 1850 г. «Архив историко-юридических сведений о России» (с 1857 г. «Архив исторических и практических сведений»), где были опубликованы некоторые записки Сперанского.

Кампенгаузен Бальгазар (1772–1823), барон — государственный контролер, министр внутренних дел (1823).

Канкрин Георгий (Егор) Францевич (1774–1845), граф — в 1812 г. генерал-провиантмейстер русской армии, министр финансов (с 1826 г.), осуществил денежную реформу.

Капцевич П.М. (1772–1840) — генерал-губернатор Западной Сибири.

Каразин Василий Назарович (1773–1842) — государственный и общественный деятель, в 1801–1804 гг. правитель главного правления училищ министерства народного просвещения, основатель Харьковского университета.

Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) — писатель, историк.

Карл XII (1682–1718) — шведский король (1697–1718).

Карл Зюдерманландский (1748–1818), герцог — регент при несовершеннолетнем шведском короле Густаве IV, а после его низложения в 1809 г. — король под именем Карла XIII.

Катетов И.В. — профессор, автор книги «Граф Михаил Михайлович Сперанский как религиозный мыслитель» (Казань, 1889).

Каховский Петр Григорьевич (1797–1826) — декабрист, член «Северного общества», казнен. Упомянутый Нольде биограф Каховского — Б.Л. Модзалевский.

Кемпийский Фома (1379–1471) — монах, мистик-аскет, предполагаемый автор книги «О подражании Христу».

Клейнмихель Петр Андреевич (1793–1869) — с 1835 г. управляющий департаментом военных поселений, затем главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями.

Кнорринг Богдан Федорович (1746–1825) — генерал, с 1809 г. главнокомандующий финляндской армией.

Козодавлёв Осип Петрович (1754–1819) — министр внутренних дел (1810–1819), автор литературных переводов, комедий и стихов.

Константин Павлович (1779–1831), великий князь — брат Александра I и Николая I.

Корнеев — сенатор.

Корф Модест Андреевич (1800–1876), барон — выпускник Царского лицея, служил во II Отделении Собственной Е.И.В. Канцелярии, которое возглавлял Сперанский, участвовал в подготовке Полн. собр. законов Российской Империи и Свода Законов, с 1831 г. управляющий делами Комитета министров, государственный секретарь, член Государственного Совета с 1843 г., глава департамента законов Государственного Совета (1864–1872), автор первой фундаментальной биографии Сперанского.

Кочубей Виктор Павлович (1768–1834), граф — дипломат, министр внутренних дел (1802–1807, 1819–1823), председатель Государственного Совета и Комитета министров (1826–1834).

Кремерг, г-жа.

Крылов Иван Андреевич (1769–1844) — баснописец, драматург.

Крылов Никита Иванович (1807–1879) — историк, профессор Московского университета (с 1835 г.), цензор.

Крюков — вице-губернатор Нижнего Новгорода.

Куракин Алексей Борисович (1759–1829), князь — генерал-прокурор (1796–1798), с 1802 г. генерал-губернатор Малороссии, министр внутренних дел (1807–1810), затем член Государственного Совета.

Куракин Борис Алексеевич — сын Алексея Борисовича Куракина.

Куткин — генерал-майор, управляющий Tobольской провиантской комиссией.

Лабзин Александр Федорович (1766–1825) — мистик, поэт, переводчик, писатель, издатель «Сионского Вестника» (1806, 1818), директор Библейского общества.

Лавинский — генерал-губернатор Восточной Сибири.

Левашов Федор Иванович (1752–после 1817) — генерал-майор, сенатор, осуществлял ревизию сибирских губерний в 1800 г.

Лазаревы, семейство. Лазарев Христофор Иакович (1789–1871) —

действительный тайный советник и попечитель Лазаревского института восточных языков. Сперанский жил в доме Лазарева и дружил с его семейством.

Ливен Дарья (Доротея) Христофоровна (урожд. Бенкендорф) (1785–1857), княгиня — сестра, А.Х. Бенкендорфа, жена русского посланника в Лондоне Х.А. Ливена, хозяйка политического салона в Лондоне и Париже.

Литта Юлий Помпеевич (1763–1839), граф — деятель католицизма в России, контр-адмирал русского флота, полномочный министр Мальтийского ордена, член Государственного Совета.

Лопухин Иван Владимирович (1756–1816) — писатель-мистик, масон новиковского кружка, автор сочинений «Нравоучительный катехизис истинных франкмасонов» (1790), «Духовный рыцарь» (1791), «Записки».

Лопухин Петр Васильевич (1753–1827), князь — сенатор, генерал-прокурор Сената (1798–1799), член Государственного Совета, министр юстиции (1803–1810), председатель некоторых департаментов Государственного Совета (1810–1816), способствовал отстранению Сперанского, председатель Государственного Совета и Комитета министров (1816–1826).

Лористон Александр Жак Бернар Ло (1768–1828) — товарищ Наполеона по артиллерийской школе, участник кампаний 1805 и 1809 гг., французский посол в Петербурге (1811–1812), впоследствии маршал и маркиз.

Лубяновский Ф.П. — адъютант Репнина.

Любомирский Марцин, князь — коронный маршалок, генерал-лейтенант, влиятельнейший польский магнат. Его сын Станислав служил в русской армии.

Магницкий Михаил Леонтьевич (1778–1835) — сотрудник Сперанского, сосланный одновременно с ним в Вологду, попечитель Казанского учебного округа (1819–1826).

Маннергейм Карл Густав Эмиль (1867–1951), барон — генерал-лейтенант русской армии, регент Финляндской республики (1918–1919), с 1939 г. главнокомандующий финской армии, президент Финляндской республики (1944–1946).

Мария Федоровна (1759–1828) — вдовствующая императрица, жена Павла I.

Масальский П.Г. — ближайший помощник Сперанского, адресат дружеской переписки.

Минин, граф — владелец Великополя до Сперанского.

Мирович Василий Яковлевич (1740–1764) — подпоручик армии, пытался освободить императора Иоанна Антоновича из Шлиссельбургской крепости, казнен.

Монтескье Шарль Луи де Секонда (1689–1755) — французский просветитель, философ и писатель.

Мордвинов Николай Семенович (1754–1845), граф — адмирал, сенатор, морской министр (1802), член Государственного Совета, председатель департамента государственной экономии (1810), президент Вольного экономического общества (1823–1940).

Муравьев Николай — вице-губернатор Новгородской губернии, отец графа Н.Н. Муравьева-Амурского.

Наполеон I Бонапарт (1769–1821) — полководец, политический деятель, первый консул (1799–1804), французский император (1804–1814 и 1815).

Неволин Константин Алексеевич (1806–1855) — юрист, историк, профессор Киевского и Петербургского университетов, академик (1853), исследователь гражданских законов, автор «Энциклопедии законоведения».

Нессельроде Карл Васильевич (1780–1862), граф — с 1815 г. канцлер, в 1821 г. член Государственного Совета, министр иностранных дел (1822–1856).

Новосильцов (Новосильцев) Николай Николаевич (1761–1838), граф — член «Негласного Комитета», председатель Государственного Совета и Комитета министров (1834–1838).

Обольянинов Петр Хрисанфович (1752–1841) — генерал-прокурор (1800–1801), затем московский губернский предводитель дворянства.

Огипский, князь — польский магнат.

Ольденбургский Петр Георгиевич (1812–1881), принц — сын великой княгини Екатерины Павловны и Петра-Фридриха-Георга Ольденбургского, член Государственного Совета (1836), президент Вольного экономического общества (1841–1859).

Павел I Петрович (1754–1801) — император (1796–1801).

Пестель Иван Борисович (1765–1843) — отец декабриста П.И. Пестеля, сибирский генерал-губернатор (1806–1818), член Государственного Совета с 1816 г.

Петр Великий Алексеевич (1672–1725) — царь (1682–1721), император (1721–1725).

Попов Василий Степанович (1745–1823) — действительный тайный советник.

Потоцкий Ян (1761–1815), граф — историк, археолог, лингвист, при Александре I служил в министерстве иностранных дел России.

Пугачев Емельян Иванович (ок. 1742–1775).

Пукалова — покровительница И.Б. Пестеля.

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837).

Радищев Александр Николаевич (1749–1802) — писатель, философ.

Растопчин (Ростопчин) Федор Александрович (1763–1826), граф — московский генерал-губернатор (1812), член Государственного Совета (1814).

Редкин Петр Григорьевич (1808–1891) — правовед, профессор Московского университета (1835–1847) и Петербургского университета (1863–1878).

Репинский Козьма Григорьевич (1796–1876) — сенатор, ближайший сподвижник Сперанского, автор воспоминаний.

Розенкамф Густав Андреевич (1765–1832), барон — с 1832 г. работал в Комиссии составления законов, с 1811 г. член Комиссии по финляндским делам.

Рудорф — историк права.

Румянцев Николай Петрович (1754–1826), граф — член Государственного Совета, сенатор, с 1802 г. министр иностранных дел, председатель Государственного Совета (1810–1812), с 1809 г. канцлер.

Руссо Жан-Жак (1712–1778) — французский писатель и философ.

Рылеев Кондратий Федорович (1795–1826) — поэт-декабрист.

Савиньи Фридрих Карл, фон (1779–1861) — немецкий юрист, министр юстиции в Пруссии, ректор Берлинского университета, основоположник исторической школы права.

Салтыков Николай Иванович (1736–1816), граф, с 1814 г. князь — сенатор, главный воспитатель великих князей Александра и Константина Павловичей, при Павле I — генерал-фельдмаршал и президент Военной коллегии, председатель Государственного Совета и Комитета министров (1812–1816).

Санглен де Яков Иванович — чиновник министерства полиции, правитель канцелярии министерства, автор воспоминаний о Сперанском.

Серра де Каприола — дюк, бывший посланник неаполитанского двора.

Сьейес (Сиейес) Эмманюэль-Жозеф (1748–1836) — французский политический деятель эпохи Великой французской революции, аббат, влиятельный член национального собрания и выдающийся оратор, с 1797 г. президент совета пятисот, при перевороте 18 брюмера поддерживал Бонапарта, один из трех консулов, впоследствии, при империи президент Сената, автор конституции 1799 г.

Словцов Петр Андреевич (1767–1843) — сибирский историк, друг Сперанского по Невской семинарии, член Государственного Совета.

Сперанский Кузьма Михайлович (ум. 1825) — брат М.М. Сперанского.

Спронгпортен — член Комитета по составлению проекта управления Финляндией (1808).

Стивенс Елизавета (ум. в 1799 г.) — жена Сперанского.

Стивенс (урожд. Планта) — теща Сперанского, вдова английского священника.

Столыпин Аркадий Алексеевич (1778–1825), сенатор — обер-прокурор, друг Сперанского.

Строганов Павел Александрович (1772–1817), граф — государственный деятель, во время французской революции принимал участие в политической жизни Парижа, инициатор образования «Негласного Комитета», посол в Лондоне.

Строев Павел Михайлович (1796–1876) — археограф, академик, участвовал в издании «Собрания государственных грамот и договоров».

Талейран Шарль Морис (1754–1835), князь Беневентский — французский дипломат и политический деятель, министр (1799) и обер-камергер Наполеона (1804), в 1814 г. содействовал восстановлению Бурбонов, до 1815 г. министр иностранных дел и представитель Франции на Венском конгрессе, в 1830–1835 гг. посол в Лондоне; был тайным информатором русского правительства.

Таулер Иоганн (1300–1361) — католический проповедник родом из

Страсбурга, в 1318 г. вступил в орден доминиканцев, занимался изучением древней и средневековой мистики, ему приписывается авторство духовных песен.

Толстой Петр Александрович (1761–1844), граф — в 1803–1805 гг. Петербургский военный губернатор, противник политики франко-русского сближения, с 1823 г. член Государственного Совета и Комитета министров, участвовал в подавлении польского восстания (1831).

Трескин Н.И. — Иркутский гражданский губернатор.

Троцинский Дмитрий Прокофьевич (1754–1829) — близкий сотрудник Александра I, глава его канцелярии, статс-секретарь, в 1802–1806 гг. министр уделов, министр юстиции (1814–1817).

Трубецкой Сергей Петрович (1790–1860), князь — участник Отечественной войны 1812 г., полковник с 1821 г., один из руководителей «Северного общества», избранный «диктатором», осужден на двадцать лет каторги.

Тургенев Николай Иванович (1789–1871) — декабрист, публицист, писатель.

Фенелон Франсуа де Салиньяк де Ла Мот (1651–1715) — французский писатель и проповедник, архиепископ Камбре (с 1695 г.), автор философско-исторического романа «Приключения Телемака».

Феофилакт Калужский, епископ.

Филанджиери Гаэтано (1752–1788) — итальянский юрист, глава младшей школы реформаторов.

Филарет (Дроздов Василий Михайлович) (1783–1867) — митрополит Московский, профессор богословских наук, ректор Московской Духовной академии.

Фролов-Багреев Александр Алексеевич — муж дочери Сперанского.

Франц — придворный лакей.

Цейер Франц Иванович (1780–1835) — действительный статский советник, служил под начальством Сперанского в Комиссии составления законов, в Сибири — ближайший его помощник.

Чарторыйжский (Чарторыский) Адам Юрий (1770–1861) — польский и русский государственный деятель, член «Негласного Комитета», дипломат, эмигрант (1830–1861).

Шафарик Павел-Иосиф (1795–1861) — чешский ученый-славист, директор гимназии в Новом Саде.

Шильдер Николай Карлович (1842–1902) — историк, директор Петербургской Публичной библиотеки, биограф русских императоров Александра I и Николая I.

Шипулинский — частный пристав.

Штиллинг — см. Юнг-Штиллинг.

Шувалов Андрей Петрович (1744–1789), граф — писатель, сын П.И. Шувалова, член Вольного экономического общества, первый директор Московского и Петербургского ассигнационных банков.

Эккартсгаузен Карл (1752–1803) — немецкий писатель-мистик, автор книги «Облако над святилищем, или Нечто такое, о чем гордая философия и грезить не может» (СПб., 1804).

Энгельс — помощник Сперанского по делам Сената.

Юнг-Штиллинг Иоганн Генрих (1740–1817) — немецкий мистик, пиетист, известный в России своими произведениями, автор «мистического дневника» «Заметки о духоведении».

Якоби — профессор Харьковского университета.

Содержание

5	Барон Александр Нольде — автор биографии М.М. Сперанского (А.А. Гапоненков)
16	I. Начало карьеры
38	II. План конституционного преобразования
63	III. Осуществленная реформа
88	IV. Законодательная и финансовая работа
108	V. Ссылка
126	VI. Жизнь в ссылке
150	VII. Управление Сибирью
167	VIII. Возвращение в Петербург
186	IX. Суд над декабристами
199	X. Комитет 6 декабря 1826 года и Свод законов
232	XI. Последние годы
242	XII. Общие замечания
270	Библиография
273	Сочинения, бумаги и письма Сперанского
278	Главнейшие исследования и материалы, касающиеся жизни и трудов Сперанского
284	Воспоминания и мемуары
286	Список основных научных трудов А.Э. Нольде
288	Указатель имен

Александр Эмильевич Нольде

М.М. СПЕРАНСКИЙ

Биография

Серия «Культура политика философия»

Художественное оформление серии *Ф. Домогацкого*

Корректор *Н. Кривкина*

Компьютерная верстка *О. Козак*

ЛР № 00972 от 14.02.2000 г.

Подписано в печать 08.09.2004. Формат 84×108/32.

Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg. Печать офсетная.

Печ. л. 9,5. Тираж 3000 экз. Заказ №

Московская школа политических исследований.

121854, ГСП-2, Большая Никитская ул., 44-2, комн. 22.

e-mail: mmps@co.ru

<http://www.mmps.ru>

**БИБЛИОТЕКА МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Серия КУЛЬТУРА ПОЛИТИКА ФИЛОСОФИЯ

Родрик Брейтвейт

**За Москвой-рекой
*Перевернувшийся мир***

Сэр Родрик Брейтвейт (род. 1932)
возглавлял британскую дипмиссию в Москве
в 1988-1992 годах, был свидетелем, а порой и участником
ключевых событий в стране накануне, во время и после
второй, по его выражению, революции в ее истории.

- Каковы причины распада "советской империи" и краха коммунистических иллюзий?
- Могла ли Россия избежать политического и экономического коллапса после падения советского тоталитарного режима?
- Кто они, главные действующие лица исторической драмы, каковы мотивы их действий или бездействия, личные свойства, амбиции и интересы?
- В чем, собственно, "загадка русской души", и есть ли у России особая миссия в истории или она обречена подчиниться императивам глобализации?
- Способны ли русские построить гражданское общество и нужно ли оно им?

Отвечая в своей книге на эти и другие вопросы, автор приходит к принципиально важному заключению: "русские, несмотря на свое глубокое недовольство тем, как дела идут сегодня, не видят смысла в возвращении к прошлому...", "Россия может надеяться создать жизнеспособную политическую и экономическую систему.

Это будет русская модель демократии, существенно отличающаяся от американской или даже от европейской модели".

Формат 135×205 мм, переплет, 552 стр.

Спрашивайте книгу в магазинах!
По вопросам оптовой закупки обращайтесь
по тел. (095) 937-76-10; e-mail: lion13@mol.ru

*Получить информацию об изданиях
Московской школы политических исследований
Вы можете на сайте Школы:
www.msps.ru*

ISBN 5-60365-062-7

9 795938 950626